

Елена Степанян

Третьяковка

и другие

МОСКОВСКИЕ ПОВЕСТИ

ПОЭМЫ, СТИХОТВОРЕНИЯ,
СКАЗКА О МЕДВЕДЕ, О ПРЕКРАСНОЙ ПРИНЦЕССЕ,
О МУДРОМ ВОРОНЕ И О ЖЕЛЕЗНЫХ БАШМАКАХ

Москва
«ОКЛИК»
2010

УДК 821.161.1-821

ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44+84(2Рос=Рус)6-6я44

С79

Степанян, Е. Г.

С79 «Третьяковка» и другие московские повести / Е. Г. Степанян. — М. : Оклик, 2010. — 293 с. — ISBN 978-5-91349-012-4.

В книгу вошли помимо новых «московских повестей» ранее публиковавшиеся поэтические произведения, а также пьеса-притча «Сказка о Медведе, о прекрасной Принцессе, о мудром Вороне и о железных башмаках».

С другими произведениями Е. Г. Степанян можно познакомиться на сайте автора **eg64.ru**, а также на сайтах **proza.ru** и **stihi.ru** (поиск по фамилии автора).

ISBN 978-5-91349-012-4

© Е. Г. Степанян, 2010

© Оформление, «Оклик», 2010

Содержание

I. Московские повести	5
Третьяковка	7
Из книги «Матрона Московская»	18
Вступление к поэме	19
Повесть о Дуняше	22
Царь Манассия	72
Сказание об Иннокентии Смоктуновском	109
Песня о боярыне Морозовой	126
II. Малые поэмы и стихотворения	145
Саша Таганский	147
«Шесть персонажей в поисках автора»	149
Ночь	150
Вместо жития	152
Ответ В. Д. Бонч-Бруевичу	156
Воспоминание	157
Человек из Цзоу	161
Мистер Фолуэлл в Нью-Йорке	165

Тетраптих	168
Пророк Илья	169
«Сон в красном тереме»	171
Россия	173
Реджинальд Поль	176
Диккенс. Очерк творчества.	182
Каббалистические стихотворения	186
Поэт	187
Памяти Рильке	189
«Нас каббалисты учат, что земля...»	191
Отрывок	192
Рассуждение о «Манон Леско»	197
«Фьоравенти — Фьораванти...»	203
III. Сказка о Медведе, о прекрасной Принцессе, о мудром Вороне и о железных башмаках	205
Часть первая.	206
Часть вторая.	260

I. Московские повести

Третьяковка

Что это было?
Что это означало?
Девочка ходила в Третьяковку
Чуть не каждый день,
Порою дважды на день.
Приходила
И, для виду побродив по залам,
На скамейке перед «Мокрым лугом»
Просидеть могла хоть целый час.

Иногда она брала с собой подружку
Или сразу двух,
Чернявых и смешливых.
Долго высидеть им было трудно,
Но они старались как могли
И тоже
На Васильевский пейзаж глядели
И шептались,
Как о чем-то очень важном,
А потом все вместе уходили.

Старая смотрительница зала
Этих посещений не заметить
Не могла.
Смотрительницы залов
В Эрмитаже, Третьяковке, Лувре, Прадо
Так порой приметливы и зорки,
Так догадливы,
Хранят такие тайны,
Что иных шедевров подороже.

Но понять, что здесь происходило
Чуть не каждый день,
Порою дважды на день,
Было слишком трудно.
Люди мыслят
Прецедентами,
А этот «Мокрый луг»
Был одним-единственным на свете...

Девочка ходила и ходила...

И смотрительница потихоньку
Все же сделала попытку разобраться
В том,
Что на глазах ее творится.

И *она*, и две ее подружки
Часто приходили в школьной форме.
Но, скорей всего, они учились

Не в десятом, а в девятом классе.
Выпускнице не позволят слишком долго
Пропадать в музее,
Мама-папы
Пред лицом великого события —
Поступления в вуз —
Бывают очень строги.

Значит, это был девятый класс...
Детство не закончилось,
А юность наступила —
Самая счастливая пора.
Время расцвести и раз мечтаться
Вдаль и вширь,
И наплевать на то,
Что не сбыться ни одной мечте.

По шестнадцатому году все
Хорошеют,
Но ее краса
В этот год была
В особой, чудной силе —
На нее не пялились мужчины,
А глаза смущенно отводили.

И она, пренебрегая всем,
Дни, которым никогда не повториться,
Проводила в Третьяковке, в этом зале,
В обожании Васильевской картины.

Здесь висели все его работы —
«Виды Крыма», «Оттепель», другие...
Всё, что он успел оставить,
Сам
Навсегда оставшись двадцатитрехлетним.

Приходя и уходя,
Она
Останавливалась на какие-то секунды
Перед каждой из его картин,
Таков был ритуал —
Поздороваться и попрощаться.

Но смотрительница как-то раз,
Зал оставив ненадолго без присмотра,
Возвращалась
И ещё в дверях
Обнаружила, что девочка стоит
Не перед пейзажем,
А перед портретом
Самого Васильева,
Написанным Крамским.

Острый взгляд затылком ощутив,
Девочка отпрянула так резко,
Словно током стукнуло ее.
И четыре дня не приходила.
А на пятый день все три явились.

В этот раз они болтали громче,
Чем всегда,

На «Мокрый луг» глядели меньше,
Подходили и к другим картинам
С видом опытных искусствоведов.
И косились на смотрительницу зала.

Та, демонстративно отвернувшись,
Их не замечала.
Ей и так
Все, что можно вычислить,
Додумать,
Было хорошо о них известно.

Учатся они в английской школе
Тут поблизости,
Живут в домах советской знати,
Здесь же понастроенных —
Об этом говорили
Тонкие колечки и сережки,
Золотые, с настоящими камнями,
Обувь дорогая...
Было ясно,
Это девочки не из простых семей.

Главное неясным оставалось:
Что им дался этот «Мокрый луг»?

И пошло-поехало все то же:
Чуть не каждый день она приходит,
Иногда после уроков забегает,
Чтобы вечером засесть надолго,
А подружки пару раз еще мелькнули

И пропали вовсе.
Школьный год
Завершался.
Наступало лето.
— Неужели будет ездить с дачи?

Приезжала четко через день
До конца июля.
— А теперь, конечно,
Мама с папой повезут на юг, —
Думала смотрительница зала.
— Поглядим, что будет через месяц.

И про все это забыла напрочь.

Неожиданно войной запахло.
Все вопили о советских танках,
Раздавивших «пражскую весну»,
О каких-то новых декабристах,
Сосланных в таежные края.
По ночам с «глушилками» боролись.
Тайная добыча информации
Расцветила жизнь
Необычайно.

И хотя смотрительница зала
Свой имела взгляд на эти вещи,
Про себя она его хранила,
И во время самых жарких споров
Даже одобрительно кивала —
Как бы ни было,

Все это поднимало
Над тупым однообразием быта...

Где-то на исходе сентября
В зале Репина они столкнулись.
Старая смотрительница в зал
Торопилась своей,
А девочка спешила
В противоположном направлении.

— Я могла ее и не узнать,
Девочки меняются так быстро...
Стрижка новая,
Загар ей не к лицу...

Да, она ее бы не узнала,
Если бы не посмотрела та
Ей в глаза
Так прямо и так странно —
Раньше в сторону всегда смотрела.

День прошел,
Потом прошли недели...
И хотя смотрительница знала,
Что теперь никто уж не придет, —
Поднимая взгляд на «Мокрый луг»,
Не могла она никак привыкнуть,
Что скамейка перед ним
Всегда пуста.

Все полотна в этом зале
Для нее давно уже слились в одно,
Тонким пониманием искусства
Никогда она не отличалась,
Знала только имена —
Вот здесь Крамской,
Вот здесь Саврасов,
Вот Васильев, о котором все
Знают,
Что он страшно рано умер.

Но чтоб целый год глядеть на «Мокрый луг»!

«Оттепель» печально величава,
«Крымский лес», таинственный, тревожный...
Что такого в этом «Мокром луге»?

Вот опять Крамской. «Портрет Васильева».
Она взгляделась —
И отпрянула, едва не вскрикнув.

Да, не раз ей доводилось слышать
И читать
О безутешных душах,
Заточенных в собственном портрете.
И союзник трезвого рассудка,
Скептицизм,
Всегда его спасал
От того, чтоб этой мистике поддаться.

Но сейчас —
Рассудку не под силу
Опровергнуть
То, что происходит
На картине этой небольшой...

Кровью налиты его глаза,
Кровью и слезами.
По лицу,
Искаженному страданием,
Пробегает
Судорога боли... Боже! Боже!

Ведь она, придя сюда работать —
Много лет назад,
Знакомилась отдельно
С каждой картиной,
И портреты
Были ей во много раз милее,
Чем занудные тоскливые пейзажи...

Не могла она такого не заметить!
И Крамской не мог такого написать.

Что же здесь происходило?
Что сейчас
Происходит?
Ах, одно понятно:
Он остался,
А она — ушла.

Целый год она здесь провела.
Целый год под яростным напором
Дней волшебной отроческой силы
Отступала Времени река,
Образуя крохотную отмель —
Место их таинственных свиданий.

Эти дни иссякли.
Он остался,
А *она* ушла,
Ведь было надо
Продолжать учиться,
Начинать работать,
Выйти замуж
И родить детей.

А в соседнем зале торопили
Поздних посетителей на выход,
И пожарные бесцеремонно
Занялись проверкою объектов.
Старая смотрительница снова
Подошла к *нему*
И безотчетно
По лицу погладила рукой,
И подумала:
— Напрасно застеклили,
Без стекла ему, наверно, было б легче...

Время шло, уже гасили свет,
Был рабочий день ее окончен.
Но в дверях опять ей захотелось

Задержаться
И окинуть взглядом
Этот «Мокрый луг», слезами исходящий
О несбывшейся любви земли и неба.

Кончился ее рабочий день,
И она ушла
И больше не вернулась.

Из книги «Матрона Московская»

Вступление к поэме

По нашим грехам,
По зависти, дегтя чернее,
Спускается Ангел
В одеждах — не сыщешь беднее.

Ах, матушка-зависть!
Ну нечем тебе поживиться:
Короткие ручки и ножки,
Запали пустые глазницы.

А кабы явилась Матрона
В своем настоящем обличье,
Да разве решились бы мы
Простить ей красу и величье?

Наш мир перевернут.
И все, что нам радует сердце и взгляд,
Рукою невидимой черной
Толкает нас в ад.

Меж Богом и нами
Протиснулась некогда зависть-змея,

И ранит чужая удача
Нам душу больной,
Чем потеря своя.

Зловещая тайна —
Ее не сумел разгадать псалмопевец Давид,
Отрава, чьим привкусом
Все мирозданье горчит,
И чахнут деревья,
Дыханием зависти обожжены,
И звезды на смерть и истленье
По зависти осуждены.

Вот так и живем
В заколдованном нами же царстве.
И если погибнет оно,
Куда нам податься?
Обители света
Не примут
Завистливых-злых —
Тогда только тьма остается,
Полна скрежетаний зубовных.

Да разве забудешь, как солнце
В автобусных стеклах плескалось!
Как небо за поворотом
С озерной водою смыкалось!
Как сказочный город бежал
Навстречу тебе, как на праздник, —
И все это тьма пожрала
И воспоминаньями дразнит!..

А что еще вспомнить?
Как дети
Дразнили неловких и слабых
И как втихомолку мечтали
Унизить красивых и храбрых,
Как мать и отец разлюбили
Себя, и друг друга, и нас...

Уходит земля из-под ног...
Скрывается небо из глаз...

Все сходится.
Да, мы виновны.
Мы выбрали участь такую.
Но был же ведь Ангел на свете,
Что души погибших взыскует!

Чего же он ждет?
Или больше
Не в силах молиться о нас?

Услышь! Помоги! Пожалей!
В последний, единственный раз...

Повесть о Дуняше

I

Село Себенó
Меж высоких хлебов затерялось.
Здесь люди как люди —
Живут, как повсюду живут.
Весною цветами любят,ся,
В страду на полях надрываются,
Бранятся, милуются,
Ведают жалость,
И лютые страсти порою им души трясут.

И детство не знает,
Что кончится быстро и сразу,
Как только потянут
Бескрайней зимы холода.
Сверкают на ветках —
на каждом сучочке —
Алмазы,
А схватишь и спрячешь в ладонях —
Прольется сквозь пальцы вода.

И детство девчонок
Счастливей, чем детство их братьев, —
Оно осяянно мечтою волшебной одной:
Примчится жених на коне,
Нарядит в златотканое платье —
И прочь увезет от убогой сторонки родной.

Чем старше, чем краше девица —
Тем грезит она поскромнее.
Трезвее сердечко
У рано подросших невест.
Пускай не царевичи местные Вани и Гриши,
Но девичий сход их подробно расценит, распишет,
Соседние сёла прихватит —
Да что там соседние! —
Весь Епифанский уезд.

Одной только Дуне Носковой
При этих беседах не место —
Ну лешему впору такая невеста!
В кого уродилась — никто не поймет.
Красивые ладные парни Дуняшины братья,
Сестра ее старшая Варька
В Москве на Арбате
Не в горничных — аж в камеристках —
У барыни знатной живет.

Но если бы кто увидал,
Что в Дуняшином сердце творится,
То рот бы разинул
Иль со смеху помер, поди!

Мечта, о которой давно
Позабыли другие девицы, —
Жених несказанный,
С которым никто не сравнится, —
Живет, ото всех затаясь,
В ее бедной груди.

Да что она, Дуня, безумная что ли?
С такою-то рожей!
Шкелет настоящий,
Обтянутый темною кожей.
Да нет, не похожа она на безумную,
Надо признаться —
За что ни возьмется,
Любая работа в руках ее спорится,
Кротка и приветлива,
Сроду ни с кем не поссорится,
И страсть любит в церковь ходить —
А куда еще бедной деваться?

Да как же тогда объяснить,
Что девка — страшилище с виду —
Живет, как царевна из сказки,
Не держит на Бога обиды?
Но жизнь — это ж вовсе не сказка,
А ноша тяжелая наша...
Да кто же тебя надоумил
В такое поверить, Дуняша?
Не выдаст.

Село Себенó
И бóльшие тайны скрывает:
В избе прокопченной, курной
Матрона, девчужка слепая,
Живет —
И дивится народ
От Тулы и аж до Рязани:
С какую беду к ней кто ни придет —
Сбываются все предсказанья!
Любые болезни целит
Движением маленьких ручек.
Со старшими, словно с детьми, говорит,
Молитве и радости учит.

А кто она? Что она?
Нет, все равно не пойдем.
А раз не пойдем,
Так зачем и вдаваться?
Ну лечит и лечит,
Так ведь все равно все когда-то умрем...
Вот если б давала богатство!

.....
.....

...Село Себенó,
По правде сказать, небогато.
Все больше здесь тех,
Кто не деньги считает, — заплаты.
Но бедность такую
Отыщешь едва ли,

Какая у Никоновых,
У Митяя с Натальей.

Когда их четвертый ребенок
Задумал родиться —
(Уж старшая дочка на выданье,
Надо ж такому случиться!) —
Судили-рядили они,
У многих просили совета,
Решили мальчонку
(Мальчонка, по верным приметам)
Отдать, как родится,
Хотя его до смерти жалко,
В сиротский приют князь-Голицына,
Тот, что в соседних Бучалках.
— Да что тут гадать, там и грамоте учат
И всяким потребным ремеслам.
Еще и спасибо вам скажет,
Как вырастет взрослым!

О Господи! Девка родится.
Да только бы это!
Она же слепая! Сле-па-я!
От грешного белого света
Сомкнутыми накрепко веками отгородилась.
Не хочет нас видеть совсем!
Ах, зачем ты на свет появилась!

Как взвоят Наталья:
— Дитя мое бедное, как же тебя я покину?
Да лучше я вместе с тобою

От голода сгину.
Я землю есть буду,
С протянутой встану рукою,
Покуда жива,
Ни за что не расстанусь с тобою.

Заплакал Митяй:
— Это нам испытанье от Бога —
Нельзя уклониться, нельзя.
Покарает Он строго.
Мы грешны и в вере некрепки,
Чего тут лукавить.
Хотим-не хотим, а придется девчонку оставить.

Вот так нежеланная гостя
У нас поселилась,
И жизнь наша дальше
Своим чередом покатилась.

.....
.....

Семь лет миновало,
И смотришь-ка, Митрий с Натальей
Не померли с голоду
(Хоть и богаче не стали),
Но Марьюшка — замужем,
Миша и Ваня работать охочи,
И — чудо! — нисколько не в тягость
Слепая им доча.

Как будто лампадка,
Зажженная перед иконой,
Улыбкою счастья сияет
Малая Матрона.
Своих и чужих привечает
С такую любовью и лаской!
И страшно Наталье самой
Того, что ей мнится порой, —
Всё видят закрытые глазки.

С детьми не играет совсем,
Вот только Дуняша заходит,
Матрюшу за ручку берет
И в церковь Успенья отводит.

.....
.....

Вдруг гром среди ясного неба —
Илью под арест посадили!
(Илья — это Марьюшкин муж,
Уже и троих народили.)
— Ох, тяжкие наши грехи! —
И тут голосок раздается,
Веселый и вроде с насмешкой:
— А завтра Илья и вернется.
— Слепая, пошла бы ты спать!
— Ложимся, ложимся скорее!
Нам завтра на гүмно с утра,
И так ничего не успеем!
— А лучше совсем не ходить.
Назад побежите вы сразу!

— Ты что, очумела, слепая?
Ты кончишь безумные сказы?

И только взялись молотить,
Несутся соседские дети:
— Илья воротился!
Назад
Помчались, забыв всё на свете.

И только Наталья едва
Бредет. И за сердце схватилась:
— Матрона, Матрона!
Ну вот, началось.
За что мне такое случилось?

Привыкла. Душа ко всему
На этой земле привыкает.
И даже к тому, что ночами порой
Над этой землею летает.

Привыкла, что дочка ее
Сидит, как царица на троне,
И люди с поклоном идут
К незрячей девчухе Матроне,

Что кто-то в их дверь по ночам
Проходит, незрим и неслышен,
И полнит избу аромат,
Как яблонь цветущих и вишен.

Привыкла, что стала вдовой,
Что Марьюшка — вся седая,
Что сколько муки ни возьмешь из горшка,
Мука в нем не убывает.

И все же порой, как сквозь сон,
Накатывает удивленье:
— Неужто сам Бог посетил
Убогое наше селенье?

Такая повсюду печаль,
Хоть пляшут, хоть свадьбы играют,
И каждого до смерти жаль —
И тех, что головушку свеса,
Бредут,
И тех, что носы задирают.

Построил Гаврилин Андрей
Себе не избу — а палаты,
На кровные деньги построил! —
И стал
Пред всеми во всем виноватый.

И братьев родных он вконец разъярил,
Четверку коней заимевши.
Не вынесли братья,
Украли коней.
Едва не повесился бедный Андрей!
Помилуй нас, Господи, грешных!

А вот у Носковых беда!
Такая, что вымолвить страшно.
За месяц один и отца схоронили,
И старшего брата Дуняши.
От брата вдову и двенадцать сирот
В наследство они получили.
Старуха Носкова ослепла от слез,
Завидует тем, кто в могиле.

.....

И тут прямо чудо случилось!
Нашелся на Дуню купец:
В соседнем селе многодетный,
Но вовсе не бедный вдовец.

У матери высохли слезы.
Она и мечтать не мечтала!
А Дуня услышала — и обмерла,
До церкви родимой едва добрела,
Пред образом Спаса упала.

Молилась, рыдала,
Винилась в грехах
Пред Господом и пред всеми,
Просила от новой беды упасти
Вдовца горемычного сёмью.
— Ведь я не смогу у них долго прожить!
За что ему снова жену хоронить?

Молилась, и стало на сердце светлей,
И вновь обрела она силы.

И только до дому дошла,
Как словно ее осенило.

Дуняша родную свою обняла
И молвила тихо сквозь слезы:
— Ты старшую замуж давно отдала,
А много ль от этого пользы?
Ведь Варькин-то муж
И совсем богатей —
Аж в Питере лавку имеет!
И не дал копейки на братних детей,
А Варька и пикнуть не смеет.

— Ты всё о других! А что будет с тобой,
С голубкой моей бесталанной!
Остаться навеки чужою рабой
И так и прожить до доски гробовой
Без сѣмьи, без деток желанных?

А Дуня хоть слушает эти слова,
Да мимо ушей пропускает.
— Нас всех и всегда выручала Москва,
Пускай и теперь выручает.

Мне только бы место найти, где харчи,
А денег я даже не трону.
— А может, схожу я Матрону спросить?
— Конечно, конечно, Матрону!

— Да шепчут вокруг, что свихнулась с ума
Подружка твоя дорогая.

Как раньше народ утешала она,
Так нынче все больше пугает.

Помещик наш Яньков пришел к ней с женой,
Совсем про другое просили, —
Она же велела именье продать
И прочь уезжать из России.
Ну, как же на это достанет им сил?
Он в это именье всю душу вложил.

Наталья боится ее, как огня,
И то мне шепнула третьёва-то дня:
Матрона такое несет
Про наших царя и царицу, —
Никто повторить не решится.

А Дуня сама себя не узнаёт —
Тверда, словно камень, спокойна, как лед.
— А мы не помещики и не цари.
Сходи и с Матроною поговори.

.....

Без стука в знакомую входит избу
Старуха Носкова в смятенье
И видит — Матрона на лавке сидит,
А перед ней на коленях
Огромный мужик, головою склонен,
И жалобно плачет, как маленький, он.

Матронушка нежные ручки над ним
Простерла и тихо бормочет:

— Ну, крепко засела гадюка-змея,
Никак убираться не хочет.
А мы ее выгоним, мы посильней.
Уходит, уходит! Мы справились с ней!

Носкова не верит глазам и ушам —
Мужик повалился и воет:
— Ах доченька, матушка! Нет ее, нет!
Осталось лишь место пустое!
Ведь сил у меня больше не было жить!
Я руки хотел на себя наложить!

.....

Едва за беднягой захлопнулась дверь,
Набросилась сразу Матрона
На гостью:
— Ты что там затеяла, мать,
Невесть за кого мою Дуню отдать?
Не вздумай мешать ее дивной судьбе.
Ей сужен жених, что не снился тебе.
Захочешь — поверишь, не хочешь — не верь,
Но слово мое непреклонно:
За все свои муки получила сполна.
Ты слышишь? За барина выйдет она!

.....

Конечно же, вскорости эти слова
На всё Себеню раструбила молва.
Смеялись до слез. Но решили, что все же
С бахвальством Матрониным надо построже.

Уже чудеса замахнулась творить!
Такого осмелилась наговорить!

— Так можно накликать беду, Феоктиста, —
Сказали Носковой.
— Тут что-то нечисто.
Смотри, как бы дочери не помереть,
Ведь барин всем барам — всевластная смерть.

Но вскоре про это забыло село,
А Время своею метлой замело
И охи, и толки, и злую молву.
А Дуню услали всё в ту же Москву...

II

...Весь день проходила — нигде не берут!
Хоть столько трактиров и чайных,
Но и в поломойки нанять норовят,
Согласно обычаям, принятым тут,
Смазливых девиц и нахальных.

И стало смеркаться. А где ж ночевать?
И сердце от страха заныло.
— Ведь я зареклась ни за что не ходить
Туда, где Варвара служила.

.....

...Ей было четырнадцать.
Вздумал отец,
Хоть был он всегда никудышный купец,
На рынках московских испробовать силы.
Он с целой округи медов накупил,
Дуняшу в помощники определил,
И вот они вместе в Москву покатили.

Она не припомнит счастливей деньков!
Оса золотая беззлобно кружится,
А люди подходят и пробуют мед,
Дуняша глядит, как светлеют их лица,
И грезится ей, что царевич ее
Вот-вот подойдет, чтобы меду напитокся.

А вечером батя, не веря глазам,
Считает рубли и бочата пустые.
За целую жизнь ему так не везло!
— Наверное, дело в тебе, Евдокия!

И лучшего меду они сберегли,
Бочонок нарядный нарочно купили
И тем господам подарить понесли,
Которые Вареньку так полюбили.

Подходят и видят — карета стоит,
Такая, что и во сне не приснится.
И барыня вышла — в карету садится, —
И перья на шляпе, и вся-то она
Сверкает, как райская птица.

И двинулись кони — ну прямо на них!
В испуге они отскочили.
Невольно
Отец за плечо ее сильно схватил —
Аж брызнули слезы, как больно!

И тут он такие слова проронил,
Что сделалось страшно Дуняше:
— Другой, видно, Бог этих бар сотворил,
И нашего Бога постарше.

.....

...Туда — ни за что.
Только сами собой
В Арбатскую сторону движутся ноги.
— Там столько церквей!
Добреду до любой,
Взойду на крыльцо и посплю на пороге.

Но чувствует — за руку кто-то ее
Легчайшим касанием ласковым тронул,
И голос, который с другим не сравнишь,
Не спутаешь, — голос родимый Матроны
Сказал:
— Поспеси до закрытья ворот.
Уж место готово. Тебя оно ждет.

.....

Дворецкий руками всплеснул в изумленье:
— Сестрица Варварина?
Вот так везенье!

А наша кухарка для черных работ
Вот прямо сейчас попросила расчет.

.....

— Матронушка, милая,
Я — как в раю.
Я Божию вижу любовь и твою
Воочью.
Как перышко эта работа
Для нас деревенских.
Сказал бы мне кто-то,
Что буду я жить, как живу я сегодня, —
Как в Граде Небесном
Средь храмов Господних!

Из дома направо — стоит Афанасий!
Налево — в листве утопающий Власий!
Никола, что в Плотниках,
Что на Песках!
И тут же — Песковский красуется Спас!
Николаявленский под сению лип,
Козьма-Дамиан и Апостол Филипп!

Поднимется Дуня ранехонько утром,
Начистит до блеска хозяйскую утварь —
И в храм с посветлевшим от счастья лицом
Идет, словно дочка на встречу с Отцом.

.....

Вот как-то со всею прислугой за стол
На кухне под вечер Дуняша садится.
Тут дверь отворилась —
И что тут пошло!
Все с мест повскакали, давай суетиться:
— Владимир Иванович, да вы бы позвали!
— Сейчас кипяточку! Да вы бы сказали!

Дуняша сидела спиною к дверям.
Как быть и что делать?
Никто не подскажет.
Она оглянулась — и вскрикнула даже!
И ложка со звоном упала к ногам.

Да это же он!
До малейшей черты
Его ей сто раз описала Матрона!
И даже движенье, каким он сейчас
Усы свои темные тронул смущенно.

— Сидите-сидите! Да я ухожу! —
И за дверь.
А все над испугом смеются Дуняшиным.
— Кого испугалась!
На свете добрей
Не сыщется младшего барина нашего.

— Добрей и прекрасней!
И сердце впервые
Пронзила иглою горячая жалость
К себе, одинокой.

Неужто Господь!..
Неужто Матрона над ней посмеялась?

.....

Посмотрится в зеркальце Дуня —
В ознобе дрожит от стыда.
О нем ли подумает —
Станет ей жарко.
Да чем же он так провинился!
За что ему эта судьба —
Жениться на черной кухарке!

III

Нежнейшей любовью любимый единственный сын.
Надежда и гордость советника тайного Жданова.
В художники прочили в детстве...
— С нас хватит и старых картин!
Сейчас инженеров пора,
Чтобы мир переделывать заново!

Волшебные сказки уже обретают железную плоть,
И грезы Жюль Верна
Поверены точным расчетом.
Не знаю, природа ли так рассудила
Иль мудрый Господь,
Но он просто создан для этой работы.

А то, что он напрочь
Гусарских замашек лишен, —
Не ездит по девкам,
Не любит дурацких попоек, —
Прекрасно! Он делом своим целиком поглощен.
Оставьте мальчишку в покое!

Ему только это и нужно —
Доскою чертежной,
Как в детстве — этюдником,
Он разгорожен
Со всем, что мешает ему
Величайшим богатством —
Душою своей —
Нераздельно владеть,
Собою самим оставаться.

Как сильно меняется жизнь,
Когда обнаружишь,
Что то, что внутри,
Несравненно дороже того, что снаружи.
И этим ни с кем поделиться нельзя —
Оно неделимо.
Зато оно может расти,
Умножаться незримо.

Он вовсе не замкнут —
Со многими дружен,
Он в свете бывает...
Но все происходит как будто во сне,
Он чувствует —

Ими воспринят не он,
А всё, что извне
Его составляет...

Дворянство, богатство, и папенькин чин
Изрядный,
И городская усадьба!..
А ежели все это взять —
Да отнять бы!
То что же и кто же останется с ним?

Ах да, он забыл, он еще инженер,
Кессонных конструкций знаток и создатель.

— Володя! Вот здорово! Как же ты кстати!
(Кого тут не встретишь на этом Арбате!)
— Составь нам компанию!
Где тут Бугаевых дом?
Ведь ты же с профессором с детства знаком.
Сегодня сынок его Боря,
Во иноках Белый Андрей,
Каких-то из Питера чувствует модных людей.

— Спасибо.
Но мне доводилось бывать там —
И даже
Я Блока с женою там видел однажды.

.....

Пролетку нанять и скорее уехать с Арбата,
Подальше —

Туда, где не встретишь коллегу-собрата,
Особенно если выходишь из храма,
А с ним и такие случаются драмы.

Ох, что тут начнется!
И пальцем покажут,
И на смех поднимут!
И даже навяжут
Бесмысленный спор.
А ведь он зарекался,
Что спорить не будет, —
И снова срывался.

Какие тут споры? —
Всем ясно и так,
Что в церкви полно шарлатанства
И что социальный марксизм
Куда как родней христианству,
Чем наш крепостнический строй,
До сих пор до конца не изжитый,
А сам он последний дурак
В свете самых последних открытий.

А разве себе самому
Сумел бы он внятно ответить,
Что так его сильно влечет
В старинные здания эти?
Ведь это безумие —
Ждать, чтоб тебе наяву разъяснился
Тот сон непостижный,
Что в детстве когда-то приснился.

Он был этим сном изумлен,
Потом над собой посмеялся
И очень научно решил,
Что Гауфа он начитался.
Такие чудесные сны
Волшебникам снятся, наверно...
Он Гауфа скоро сменил
На Купера и на Жюль Верна.

Он прерии пересекал,
Он плыл в океанские дали...
Но сон повторился опять
Подробно, до каждой детали.

...Лачужка в убогой глуши —
Подобие ветхое дома, —
А рядом согбенный старик,
Совсем как давнишний знакомый,
Его приглашает войти
И низкую дверь открывает, —
И входит Володя в сияющий храм,
Каких наяву не бывает.

Измерить его высоту
Нельзя —
Он уходит всё выше...
А справа — какая-то лестница в нише.
И он уже вверх по ступенькам бежит,
По узким и шатким,
И слышит:
Старик припускается следом.

А мальчик
Бежит всё быстрее, на пределе дыхания...

И вот он на крыше какого-то зданья...
Но крыша ли это?
С обеих сторон
Вздываются ввысь небывалые башни,
Теряясь во мгле...
И особенно страшно
Туда поглядеть, где, светясь изнутри,
Над черным провалом стоит балюстрада...

Но вот его спутник —
Он ласковым взглядом
Его к балюстраде зовет подойти
И, облокотившись, становится рядом.

И вот, осмелев, наклоняется он
Над той,
Не имеющей основанья
Стеной —
И созвездья, красу мирозданья,
Он видит внизу, далеко под собой...
И в этот же миг обрывается сон.

И вот с этой самой поры
Его мир разделился
На тот, что вовне — для других,
И на тот,
О котором бы он не решился
Поведать словами.

И он рисовал непрестанно
То храмы, огромные, как города,
То города
Из одних только храмов.

Ах, как же он редко туда попадал
Во сне...
А потом просыпался
Счастливым, как Ангел,
И долго еще
Во власти тех снов оставался.

Но как же со всем этим быть наяву?
Он мыслил довольно сумбурно...
И все же с упорством —
Не раз и не два,
А трижды срезался он в архитектурный.

— Афина Паллада¹, — смеялся отец, —
Тебе преградила дорогу в мasonsы.
И тут исподволь предложил вариант:
— Давай, брат, масонов менять на кессоны.

Так, может, и вправду судьба его —
Строить мосты?
И храм — это образ моста
Меж землею и небом...

¹ *Афина Паллада* — намек на обязательный элемент экзамена по рисунку при поступлении в архитектурный институт.

А вот и Мартын!..
Как давно я здесь не был..
Наверное, встречи заждался и ты.
Ну, дай на тебя поглядеть —
Нет другого такого на свете!
И солнце всегда над тобой по-особому светит!
В восторге, должно быть, оно от твоей красоты...

.....

...По будням здесь нет никого,
Кроме нищих у входа.
И только по будням
Он дышит здесь той же свободой,
Как в храмах нездешних..
И разве что с легкой усмешкой
За ним наблюдают
Обычно бесстрастные лики святых...

Тут женщину он замечает,
По виду — из самых простых.

...Так бедно одета,
Но как же непринужденно
Она, погружившись в себя,
Сидит на скамье у колонны..
Какое спокойствие веет с лица —
Так дочь пребывает в пределах отца.

— Но где же я видел ее?
Да она из прислуги из нашей!
Конечно, — вторая кухарка Дуняша.

И чтобы ее не смутить,
В боковую он выскользнул дверь.

...Закатное небо расцвечено розами...
— Схожу-ка в Покровский теперь!

.....

Пешком от Таганки дойти до Арбата
Для Дуни не труд, а забава.
Идешь — как летишь между храмов,
А храмы и слева, и справа!
Закат, как багряный венец,
Полыхает над ними!
Неужто роскошнее будет
В небесном Иерусалиме?

И радость такая, как в детстве далеком,
Тут в сердце взыграла,
Как в детстве, когда ее крошка Матрона
Смеясь, обнимала,
Ласкала, голубила:
«Дунюшка-Дуня, сестренка моя,
Ах, как же Господь тебя любит!
Ах, как же люблю тебя я!»

Вбегает Дуняша в каморку,
Где спит она вместе с Настасьей.
Да что же случилось?
Откуда оно —
Ощущение счастья?

И тут до того захмелела,
Что в зеркало глянула смело.
Ведь дело идет к тридцати —
А все-то она не стареет,
И темная кожа ее потихоньку белеет,
И вот уж совсем
Не похожа она на шкелет —
Накушалась досыта барских котлет.

.....

— Ты где загуляла? —
Кричит ей Настасья.
— Давай, шевелись!
У нас тут такое творится!
Закончилась легкая жизнь.
Двум барыням сразу
Теперь нам придется служить —
Решила Мария Григорьевна
Сына женить.

Спокойно, как мертвая,
Дуня спросила:
— Так свадьба назавтра?
— Назавтра смотрины!
Сдурела ты, что ли, совсем?
За работу берись!
Ждем завтра к обеду невесту
С мамашей-княгиней.

.....

— Во-ло-дя! Не вздумай опаздывать!
— Я обещаю. Но если со скуки помру,
Не дождавшись десерта и чая,
Отдашь в пользу бедных мое бланманже.
— Ты слышишь, Иван?
Он дерзит мне уже!
Ты дашь умереть нам спокойно?
Покуда мы живы —
Тебя мы должны непременно женить!
— Вот стимул, моя дорогая, подольше прожить, —
Отец замечает.
— Ведь мы же тебе не враги,
Женитьбу навязывать силой не будем.
Но Шуховы — очень достойные люди.
И Ксеничку с матерью видел не раз ты.
Мы их в Пятигорске встречали и в Ялте.

.....

Да что, в самом деле, морочит он папу и маму?
Прекрасно он помнит
И эту блестящую даму,
И девочку, крошку совсем,
И ее золотистые косы.
И очень не прочь увидеть ее взрослой.

.....

— Ну, что ты мне скажешь?
По-моему, он в восхищеньи!
— Не сглазь и не вздумай давить на него.
Пусть сам принимает решение.

— О Боже, имею я право хоть раз помечтать!
Подумай, еще в Пятигорске обманывать мать
Малышку учил
Наш балбес-гимназист!
Не знаю, расслышал ли ты?
Чтоб ей не давиться лечебным нарзаном,
Он с ней потихоньку менялся стаканом,
А бедный нарзан отправлялся в кусты.
Теперь это кстати необычайно,
Теперь они связаны общею тайной.

— Найдется, найдется
О чем побеседовать им.
Девица весьма развитая,
Флоренцию видела, Рим...

.....

...А на ночь, конечно,
Она разбирает шиньон,
И в длинную косу тогда
Превращается все это чудо.
Не знай он себя хорошо,
То решил бы уже, что влюблен..
— А может, и вправду влюблен?
Все равно торопиться не буду!

...О многом наслышана, что-то читала она
(А глазки какие!
А шейка под черной бархоткой!),
Но главное то,
Что она неподдельно скромна —

Он знает: средь барышень светских
Совсем не такая уж редкость
Увидеть гибрид теософки
С парижской кокоткой.

— Пока что могу с дороною душой
Возить их Шаляпина слушать в Большой...
А вскоре все взятки с него будут гладки:
Полгода уж строится мост через Вятку,
Как штык, он там будет в назначенный срок.
Дальнейшее знает один только Бог.

...Спешит — а навстречу Дуняша,
Которую в церкви он видел.
— Как резко она отвернулась!
Ничем я тебя не обидел?
С прислугою надо подчеркнуто вежливым быть, —
Покойница-бабка любила всегда говорить.

.....
.....

...А станет работа валиться из рук —
Дворецкий прознает и сразу прогонит.
О, хоть бы на пару денечков домой —
Наплакаться вдосталь,
Прижаться к Матроне!
А здесь и слезинки нельзя проронить:
Увидят — решат, что больна.
Прогонят, прогонят немедля —
Кому-то больная нужна?

А сердце от боли вот-вот на куски разорвется,
Не зря ей сулили, что смертью любовь обернется.
Матронушка! Как бы добраться к тебе
Злосчастной, безгласной, бесправной рабе?

.....

И тут ей Настасья, смеясь, сообщает:
— Нежданные праздники нас ожидают!
Как только Владимир Иваныч отбудет,
То следом
Аж на две недели
Родители в Питер уедут.
Хозяин за двери —
А мыши пускаются в пляс.
Как видишь,
Не так уж и плохо живется у нас!

Вот чудо так чудо!
Но как же теперь-то ей быть?
Так трудно, так стыдно кого-то о чем-то просить!
А даже отпустят?
До дома пешком не дойти —
Где денег добуду?
Но Бог ее слышит —
И чудо сменяется чудом.

Дворецкий зовет ее сам и смущенно,
Не глядя в глаза, говорит:
— Какая-то, вроде, Матрона
Живет у тебя на селе
И, вроде, больных исцеляет,

И даже тяжелых совсем,
А сама она, вроде, слепая...
Ты знаешь ее хорошо?
— Она мне родней, чем сестра!
— Вот видишь... А к нам тут приехал вчера
Из Тулы снохи моей старшей свояк,
И, стало быть, твой он земляк...
И всё про Матрону, про Митревну эту...
Дуняша, мой внучек...
Ты знаешь, болезнь его страшная мучит!
Уж ты никому... Я доверюсь тебе...
Такой ведь мальчонка... а болен падучей!

И слезы смахнул.
— Так чего же мы ждем?
Сейчас же к Матроне его отвезем!
— Да нет, не решатся они в одночасье.
Спросить бы у Митревы этой согласья!
Неплохо тебе бы поехать самой.
Я дам тебе денег, Дуняша, я знаю —
Ты дочиста все отсылаешь домой.

.....
.....

...Неужто она разучилась ходить далеко?
Ведь станция дальше не стала! А так нелегко
Идти... И чем ближе село —
Тем труднее шагать,
Как будто весь воздух куда-то девался —
Так трудно дышать.

...Как странно — еще ведь светло,
А на улицах нет ни души...
Но вот их изба,
К ней невестка навстречу спешит,
За ней — ребятишки,
И мама стоит у ворот...
Матрона, небось, угадала,
Что Дуня сегодня придет.

Ее обнимают, целуют, сажают за стол.
— А вы почему не едите?
Случилось ли что?
— Мы только с поминок.
Ты ешь, ты с дороги, родная!
— Легко говорить! Кто же помер?
— Да ешь ты, сейчас все узнаешь.

— А помер, пусть будет земля ему пухом,
Гаврилин...
— Гаврилиных — семеро братьев!
Кого схоронили?
Молчат, словно русскую речь позабыли.

Дуняша вскочила — да что же случилось?
Ведь это ж не первая смерть на селе,
Не первый покойник на грешной земле.
Так что же они языки проглотили?
Неужто убили? Который Гаврилин?

— Сестры их двоюродной свадьбу играли...
И, стало быть, всех их на свадьбу позвали.

Хотела Андрея жена не пустить,
Ведь знала — не может родня им простить,
Что стали с торговли так скоро богаты,
Что въехали в каменные палаты.
...А братья на свадьбе, видать, перепили,
Про все, кроме злобы своей, позабыли...
Они ведь и раньше хотели Андрея убить,
Матрона твоя говорила,
Что долго ему не прожить.

Пригнулась Дуняша —
Стоит и не дышит,
А стены избы, и стропила, и крыша
Вокруг нее вдруг
Ходуном заходили
И тысячью голосов завопили:
— Андрея Гаврилина братья родные
Убили! Убили! Убили!

Не рухнула наземь небесная высь,
И все по делам по своим разбрелись.
Но жить, как мы жили,
Мы больше не сможем,
И с нас эта кровь
Будет взыскана тоже.
Мы все тут виновны, что братья родные
Убили Андрея! Убили! Убили!

.....
.....

— Ну что ты ревешь? —
Увещает Матрона Дуняшу. —
На братней крови и стоит
Земное страдание наше.
Вот август настанет — и грянет война,
Какой не бывало вовеки,
Натешится злоба людская сполна,
Аж кровью окрасятся реки.
И все, что казалось нам вечным, — падет!
И больше не будет ни слуг, ни господ!..
Что, кончила плакать? Очнулась?
Сильнее всего тебя это коснулось!

Но Дуня в ответ зарыдала опять:
— Таковую невесту нашла ему мать!
Княжна и красавица!
Господи Боже!
Бежать мне оттуда, бежать!

Матрона вздохнула, слегка помолчала,
Да как расхохочется звонко:
— Так вот с чем к нам Дуня Носкова примчалась —
На свадьбу господскую звать!
А я-то решила —
Заради больного мальчонки.

Ну вот что — скажи,
Чтоб мальчонку везли поскорей,
А свадьбу Матрона играть не велела!
— Ну что ты смеешься над бедною Дуней своей?

Ведь я умираю,
Хоть ты бы меня пожалела.

— Слепая Матрона жалеет слепых!
Ты зрячая.
Посланный Богом жених
Твой Жданов.
Так дай ему время
Тебя разглядеть за преградами всеми,
Которые злоба людская меж вами
Одну за другой громоздила веками.

.....

Старуха Наталья ее провожает
До самых ворот.
— Ну совсем городская!
И ручка-то мягкая стала какая!
А мать говорила — кастрюли ты чистишь...
— Меня теперь учат господскую пищу
Готовить, — Дуняша, смутясь, отвечает. —
И руки приходится строго блюсти.

...Недолгую гостью перекрестив,
Наталья, как будто во сне, посмотрела
На черные, в трещинах руки свои...
...Из персти земной было создано тело,
И станет землею — мы все ей сродни...

И снова проплыло в сознании сонном —
Вот, плод ее чрева, дочурка Матрона
Живет, не касаясь земли,

Живет, словно в царстве Субботы,
И нежные ручки не знают
Ни черной, ни белой работы...

IV

О труд завершённый!
Что может сравниться с тобой!
По жилам разносится хмель,
Пьянящий и сладкий...
Над нами бездонное небо,
Внизу — изумленная Вятка...
Куда ни помотришь — налево, направо, —
Заходится сердце от шири!
А завтра над этой водой понесутся составы
В объятья Сибири.

О как же прекрасен Твой храм,
Единственный Зодчий!
И как просветлели
Глаза бородатых рабочих!
В чертеж мироздания ложатся штрихами
Мосты, возводимые нами!
Нам столько построить еще суждено,
Мы встретимся снова на Каме!

.....

...Он счастлив.
Он едет домой.

В нем разом все чувства проснулись...
(— Наверное, Шуховы из-за границы вернулись.)
Он так опьянен своей первой победой!
Пора уж и прочие радости жизни отведать.
И с Ксенией надо как можно скорей объясниться.
Не стыдно ли за нос водить молодую девицу?
Ведь ясно, что лучше нее
Никого он не встретит.
Пускай уж одним бобылем
Станет меньше на свете.

Колеса стучат,
И, как в детстве, становится странно —
Манит его город родной,
Как манят чужедальные страны.
Ему проплывавшие мимо вокзалы,
Ночные звонки, световые сигналы
Всегда предвещанием чуда казались,
Когда они летом в Москву возвращались
Из Крыма, с Кавказа...
(Отец не любил заграницы,
Плебеями вслух называл
Отдыхающих в Ницце.)

Какую же тайну, о город,
Скрывают упрямо
Твои переулки, сады,
Бессчетные храмы?

А в храм он давно не входил,
Ни во сне, ни среди белого дня...

А может быть, *там*
Не хотят больше видеть меня?

.....

...Дорога петляет,
Ее бы получше запомнить...
Как много здесь храмов старинных,
Заброшенных, темных...
А с этого только что сняли леса.
Красуется он белоснежной волшебной горой
И славит российский «модерн»!
И нет ему дела,
Что всюду кричат о войне
И с горьким надрывом поют,
Что отныне
Не нужен ни Бог, ни герой...

Он входит,
Здесь все ему очень знакомо,
Как будто он в маленьком храме
У самого дома...
И те же иконы,
И так же взирает из ниши
Библейский Амос,
От огненной гибели мир отмоливший...

А где же святой Серафим
И его нарисованный скит?
Художник, наверно, зачем-то унес,
Не зря тут стремянка стоит...

Но это же снится ему...
Наплывают пространства иные...
Он в церкви,
Которую видит впервые.
Беленые стены,
Икон очень мало
И росписей нет...
И все наполняет молочный,
Почти осязаемый свет.

Остаться бы здесь навсегда!
Сиянием этим упиться...
В нем слиты в одно
Торжество и покой!
О если бы в нем раствориться!

Но кто это в правом приделе стоит?
И смотрит любовно, и взглядом ласкает!
До самого сердца тот взгляд проникает,
Безмолвно о стольком ему говорит!

Согбенный священник,
В изношенной рясе,
Истертой едва не до дыр...

— Конечно, я сразу узнал тебя,
Мой поводырь!
В надзвездную высь я с тобой поднимался,
Тобою хранимый,
Ты рядом со мною с тех пор
Всегда пребываешь незримо.

О как же я счастлив!
И старец ему отвечает улыбкой...
Но это же сон!..
И пространство становится зыбким.
Он снова в приделе,
Который он видел вначале,
Вот образ Амоса,
Стремянку, должно быть, убрали...
Он взгляд поднимает и видит —
Склонился над ним
Печальный горбатенький Ангел,
Святой Серафим.

.....

...Проснувшись, глаза открывать он не хочет.
Так жаль расставаться с увиденным ночью.
Душа еще там,
А в уме уже мысли о Ксении.
Да сколько же можно тянуть с предложеньем?

Но птичий трезвон
Уже вытесняется уличным шумом,
Надвинулась явь
С ее распорядком угрюмым.
А вот и квартальный
Вовсю распекает кого-то,
И надо вставать
И готовить бумаги с отчетом.

— Мой свет несказанный!
Опять я с тобою в разлуке...

Линейку и циркуль сжимают
Привычные руки.
Сознание послушно выводит свои уравнения...
Но то, что руками не схватишь,
Не вычислишь,
То, чему нет и сравнения
Во всей этой жизни вокруг,
Шумящей, кипящей,
Уверенной твердо,
Что только она — настоящая!..
То,
Что всегда остается в душе,
Пускай даже слабым свеченьем,
Таинственной силой опять побеждает
И разума голос, и плоти влечение.

Княжна ведь не первая женщина в мире,
Которая в нем пробудила желанья.
Приученный к формулам четким,
Он сам не впервые
Вопросы, которые быстро и просто решают другие,
Упрямо пред собственным ставит сознанием.

Над телом смиренным и бранным
Высокий божественный дух,
По правде сказать, наделен
Весьма относительной властью.
И каждому ясно,
Который из двух
Условия ставит душе,
Диктует желанья и страсти.

Бессмертного света частица
Не в рабстве, конечно,
Но в цепком плену.
Ей только во сне удаётся
К истокам родным прикоснуться.
Так что же с ней будет,
Когда воедино два тела сольются,
А души, чужие друг другу,
Не смогут составить одну?..
.....
.....

Сирень распускается.
В царство сирени
Арбат превращается каждой весной...
Но воздух пропитан тревогой,
Всё явственней пахнет войной,
Всё громче царей проклинают,
И с каждой минутой тает
Надежда избежать крушенья.

Безумное слово *Антанта*
В сознание вошло и в язык.
Звенит, словно имя сирены,
В пучину манящей.
А Революция
Слышится чаще и чаще.
Неотвратима она,
Как нацеленный штык.

— От лютого зверя по кличке народ
Одна лишь война нас теперь и спасет!
— Ну полно! Им надо навстречу пойти —
И нечего будет бояться.
— Простите-простите!
Не зря же всемирное братство
Они учредили!
Их цели вполне откровенны.
Грозят ниспровергнуть основы вселенной.
Хотят все различья стереть
Между ними и нами,
Над всею землей водрузить
Свое красное знамя!
И съезды проводят,
И гимны слагают,
Друг друга товарищами величают,
Для праздников общих находят причины —
В честь Энгельса некоего годовщины
От русского хама немецкому хаму
В торжественном слогe
Летят телеграммы!
А вы говорите — чего тут бояться?
Да лучше погибнуть,
Чем с ними сравняться!

.....

Контора дворецкого —
Сразу у главного входа...
Доносится голос его в приоткрытую дверь:
— Так прямо сказала,
Что в августе этого года?

О Боже! Она же святая!
Попробуй-ка ей не поверь!

(— Илья Тимофеич с живыми святыми спознался!
Он в эти материи раньше
Не слишком вдавался.)

И женщины голос, глубокий и низкий,
Ему отвечает:
— Так август ведь близко.
Увидим, что будет.
Пока затеваться не надо.
Кто вовремя сдержится —
После не плачет с досады.

— Как раз про женитьбу мою, —
Усмехается Жданов.
И в комнатку входит.
— Простите меня, ради Бога!
Нахальство, конечно, вот так вот, с порога.
Но вы о каких-то святых говорили провидцах,
И, стало быть, сами — чудес очевидцы?

Дворецкий Дуняше моргает:
«Не выдай!»

А сам суетливо ему отвечает:
— Матрона такая у них на селе,
Посмотришь —
Ну малое дитяtko с виду!
А самых тяжелых больных исцеляет,
Мой родственник видел,

И Дуня — свидетель.
Поводит руками —
И напрочь болезни снимает.
Попробуй, скажи,
Что чудес не бывает на свете!

А тут преподнес мне подарочек зять:
Хочу, говорит, все, что есть, распродать,
Уехать под Нижний, открыть свое дело —
Приспичило дурню хозяином стать!..

— Так что же на август вам эта святая пророчит?
— Да нам ли одним? —
Зашептал Тимофеич. — Такое,
Что страшно поверить
И вымолвишь только с трудом.
Великой войною грозитя
И Божьим Судом!
А вместо царей, говорит,
Будут править мужик да рабочий!

(— А Дуня-то раньше в глаза не смотрела,
А нынче так держится прямо.
Ну да, ведь она у нас важная дама —
Сельчанка, а может быть, даже —
Подружка святой.)
— А часто ее предсказанья
Сбываются? Видел ли кто?

— Какие — сбылись, —
Говорит она тихо. —
Каким не пришел еще срок.

И тут, покраснев, отвернулась Дуняша.
— Второй Иеремия знакомая ваша!
Ну ладно, посмотрим, чего она стоит,
Матрёна-пророк!

.....
.....

Сараевский выстрел. Истерики близких.
Уже патриотов готовятся роты.
— Куда вы? Неужто земли у нас нету?
Вы, может, хотите всю эту планету
Под зад подпихнуть
Психопатке-Алиске?

Родители в панике.
(Вот уж теперь не до свадьбы!)
— Володьку на Каму скорей отослать бы!

Ну вот и конец абсолютной монархии,
Вот и венец —
Абсолютно прогнила.
А скольких еще
За собою утащит в могилу!

— Володька из прошлой поездки
Вернулся ну просто скелетом!
— Иван! Мы уже говорили об этом.

Ну я виновата, сглупила,
Могла бы понять,
Что этот дурак не сумеет
На месте прислугу нанять.
Я с ним отправляю Дуняшу.
Готовить она научилась
И девочка скромная.
— Рад за нее.
Но как бы чего не случилось!

.....

— Что, Дуня,
Варвара совсем помогать вам не хочет?
Конечно, твое поведение похвально, и очень.
Но в чем же ты ходишь!
Аж страшно смотреть.
Вот тут мои старые платья.
А то на тебя поглядят —
И решат, что мы людям не платим.

V

Ну что, тебе страшно, дуреха?
И страшно, и нет:
Ведь это же все происходит во сне.
А может быть, ей вспоминаются прежние сны?
Иль заново снятся? —
Иначе откуда знаком

Ей этот бревенчатый город
И дом,
В котором они поселились,
И в Каме глубокой
Хранящая тайну вода...
А может быть, здесь они жили всегда?
А все остальное приснилось?..

Царь Манассия¹

Повесть

I

Царя Манассии грехи
Тяжелой тучей
Висели над Иерусалимом.
В должный срок
Она дождем свинцовым разродилась
И каменным.
Пустыней стал великий город,
Возлюбленный Всевышним.

И не избежал наказания царь Манассия:
Он был закован в цепи
И на чужбину отведен как пленник.
В огромном Вавилоне
Он в тесную был помещен темницу
И там оставлен
С памятью своей наедине.

Возможна ль собеседница ужасней?
Таких грехов жестоких и бесстыдных,
Какими до краев она полна,
Никто еще не совершал, пожалуй.

Едва захочет
Сознание истомленное Манассии
В какой-нибудь из уголков ее забиться,
Его тотчас оттуда гонит прочь
Видение кровавого кощунства,
Им совершенного.
И так — в несчетный раз.

Отчаявшись, решает царь
С обоими —
С сознанием и с памятью —
Покончить разом.
И с короткого разбега,
Насколько позволяет цепь,
Он ударяет головой о стену.

Боль
И крови вкус соленый
Царя с самим собою разлучают ненадолго:
Вот он опять в Иерусалиме,
И небо — как расплавленный сапфир,
И солнце нежно жжет
Сквозь перья опахала.

В сопровождении друзей
Царь пересек подворье Храма

И на потеху свите
На стене священной
Нарисовал когтистый знак Молоха.

— Царь! Помилуй!
Ты нас погубишь всех!
За святотатство это
На наши головы обрушится сей Храм! —
И тянется дрожащая рука
Ужасный знак стереть.

Не говоря ни слова,
Короткий меч хватает царь Манассия
И руку отсекает.
Тотчас же царские друзья
Священника на землю валят
И бьют ногами до смерти.
А царь
Его с улыбкой вопрошает:
— Что ж?
Как видишь, Храм не рухнул.

Но в ответ
С земли встает старик-священник
И отрубленной рукой
Пытается стереть ужасный знак.
И вновь его сбивают с ног,
И вновь
Он поднимается и тянется к стене.
И вновь он на земле.
И вот встает опять.

И видит в ужасе Манассия —
Захлопнулась минута, как ловушка,
И он отсюда никогда не выйдет.

И еле-еле
Ворочая тяжелым языком
И непослушные слова соединяя,
Царь просит Господа Всевышнего
Его
Отсюда
Выпустить...
Но Бог его не слышит.
А старик опять встает,
И снова падает,
И вот опять встает...
И царь кричит,
Кричит и Бога умоляет!..

.....

В темнице смрадной пробуждаясь,
Весь в крови,
Дрожит Манассия от боли и обиды
На Господа.

— Велик, велик мой грех!
Но почему же молния Твоя
В тот миг меня не поразила? —
Храм не рухнул,
Солнце
Сияло в безразличной вышине,
И царь Манассия как победитель вышел

Из наглой брани с Господом небес!
О горе!

— Почему меня
Земля, разверзнувшись, не поглотила,
Когда я сыновей своих в огонь
Кидал
Как наилучший дар Молоху?!..

.....

...В двенадцать лет
На царство был Манассия помазан
В том городе единственном,
Который
Избрал для обитания Всевышний.

И город сей в садах благоуханных,
И землю, источающую мед,
И свод небесный с солнцем и луною —
Как должное
В бестрепетные руки
Он принял.

Царские рабы
Во всем ему покорны,
Священники Господни
В нем Божьего помазанника чтут,
И дорого заплатит тот,
Кто счастьем беспредельному Манассии
Захочет указать предел.

Но солнце, обходя великий город,
Отсчитывает дни
И отмеряет ночи.
И вот царю однажды показалось,
Что дни, сияющие безмятежно,
Короче сделались,
А ночи — холодней.
И этот холод, словно запах тленья
Прилипчивый,
Он отогнать не может,
Как будто он сочится изнутри,
Из сердца царского.
А кровь разносит этот холод
По жилам всем
И поражает мозг
Неодолимым страхом вечной смерти.

Царь слышал много раз,
Что Бог Всевышний
Есть Бог живых
И запрещает Он
Между двумя мирами —
Зримым и незримым —
Передвигать межи
И поднимать завесу.

Но слышал он, что есть другие боги
И что куда сговорчивей они.

Печален бродит царь Манассия
В садах иерусалимских несравненных,

И отгоняет лунноликая Астарта
Его печаль,
И он ей платит щедро.

.....

Иерусалим! Иерусалим!
Столица,
В которой Бог Всевышний обитает!
Гора великая, гора святая,
Где небо приклоняется к земле,
Где наполняются уста пророков
Глаголами Господними
И ходит
По площадям и городским базарам,
Став человеком,
Истина сама.

Но с омерзеньем смотрят на пророков
Царя Манассии рабы.
В водовороте сладострастной лжи,
На пиршествах Астарты и Ваала,
Господня истина —
Как желчь и как полынь!

— Идите прочь!
Знать не хотим ни вас,
Ни Бога вашего!
Он непомерной платы
С нас требует за милости Свои!
За все благодарить —
За вдох, за выдох,

Смирять гордыню каждый час и миг
И неустанно ближнего любить —
Да у кого ж на это хватит сил?
Да это тяжелейший труд на свете!

Неужто выколоть себе глаза,
Чтобы не видеть, как Его щедроты,
Минуя нас, прольются на других?
Иль собственную грудь вспороть ножом,
Чтоб выдавить из сердца зависть?

А между тем наш долг растет,
И он стеною
Встает меж нами и Всевышним Богом!
Нам нашей скверны не избыть!
Идем к чужим богам искать защиты —
Они нам будут рады и таким!

.....

Но вот к чертогу царскому подходит
Невзрачный человек в одежде запыленной,
И стража расступается пред ним —
Пророк!

А царь Манассия смущен,
Он думал,
Что все они давно перевелись.
А если кто и выжил, в щель забившись,
То побоится выползть оттуда
И вновь пугать царя Господним гневом,
Который все никак не состоится.

С насмешливой улыбкой
Приказывает царь пророку говорить.
И раздается тихий голос:
— Бог Единый
Послал меня к тебе, о царь Манассия,
Сказать,
Что он есть Всемогущий Бог.

Ты осквернил священный город кровью
И трупами невинных переполнил
В угоду лжебогам,
Которых ты
В безумье почитал богами смерти.

Но все подвластно Господу живых!
И сотворит он день,
Тот самый день, в который,
Простершись на земле,
Ты будешь умолять,
Чтоб он тебя помиловал и принял
Рабом последним в Царствие свое!

И вот знамение, что не напрасной
Твоя молитва будет, царь Манассия:
Те капища Ваалу и Астарте,
Что ты с весельем возводил при свете дня,
Во мраке ночи станешь разрушать,
Горячими слезами обливаясь.

Царь привстает:
— А не сказал ли
Тебе твой Бог,
Что я за эту дерзость
С тобою сделаю?

— В твоей я власти, —
Незванный гость чуть слышно отвечает, —
И ты, скорей всего, меня убьешь.
Но тот, кто жив, вовеки не умрет.
Тебе же предстоит, о царь Манассия,
Переходить из смерти в смерть...

Жезлом
Царь бьет пророка по лицу,
А стража
По земле его волочит
К котлу, в котором варится смола.

И умер он!

.....

А царь Манассия в темнице,
Как ни старается,
Не может умереть.

— Какие-то есть жилы на руке...
Их можно
Перекусить — и кровью изойти.
Но в этой темноте — как их отыщешь?
Пустое дело, нечего стараться.

Решает он от пищи отказаться,
Которую тюремщики швыряют
К его ногам, — и на десятый день
Смерть придвигается уже вплотную.

Да, здесь она, за дверью — и сейчас
Войдет.

Но почему-то
Она уже не кажется желанной,
И лютый страх опять владеет им,
И он уже готов кого угодно
Взамен себя послать в ее жерло:

Пусть дочери идут,
И сыновья,
И жены царские,
Друзья и слуги!
И весь народ земли, его рабы,
Пускай в колонну строится,
И пусть
Его ведут служители Молоха
В пылающую печь — насытить смерть!

.....

...Но больше откупиться нечем:
Он
Уже не царь,
Он узник осужденный.
И казнь его назначена на завтра,
Мучительная огненная казнь.

Но после пытки, от которой он
Себе на удивленье жив остался,
Он казни не боится —
Дон Антонио
Был прав во всем.
Не зря он их учил
Дыханье останавливать
И боли
Не чувствовать при этом никакой.

Он пытку выдержал
И на костре
Сознание успеет потерять,
А едкий дым доделает свое...
Но главное не это, а другое:
Он никого под пыткой не назвал!
Иначе — страх и ужас! — столько раз
В своих последующих воплощениях
Он на костре горел бы, сколько душ
Он выдал бы сегодня палачам.

А ворожба, и вызыванье мертвых,
И на святых прилюдная хула,
И многое другое из того,
Что инквизиция ему вменяет, —
Конечно же, все это было,
Было.
Да вот когда?
Ты лопнул бы от злобы,
«Священный суд»,
Когда б в мои ты мысли

Проникнуть смог!
Ты хочешь насладиться
Страданиями невинного —
А я
Перед иным стою Судом
И верю,
Что справедлив мой страшный приговор.

...Такой недолгой жизнь моя была
И безмятежной.
Озарял, как солнце,
Ее сосед-помещик дон Антонио.
Он, собирая нескольких друзей,
Рассказывал им тайны,
От которых
Светлеет сердце,
Увлажняются глаза
И отступает мерзкий страх,
С рожденья
Прилипший к телу, —
Вечной смерти страх.

О эти встречи и беседы!
Ночь
Заполонил жемчужный запах моря.
Игольчатые звезды над листвою —
Как сполохи какой-то высшей жизни.
А дон Антонио нам говорит, что так же
Мы здесь сходились пять веков назад...

Тогда еще не царством инквизиции
Отчизна наша бедная была.
Здесь цвел недолгий мусульманский рай,
Навеки отлетевший к этим звездам.

А мы остались на земле.
Она,
Казалось, мертвой хваткой нас держала
И возвращала каждый раз в себя
Наш прах.
Но скоро эта связь порвется —
Так дон Антонио нам говорил, —
И долго наши души будут врозь.

Одни родятся в христианской вере,
И осенит их с неба Южный Крест.
Моя судьба — евреем стать, хоть вспомнить
Я так и не сумел, что им когда-то был.

А самому Антонио придется
Родиться вновь кочевником-арабом,
Спать на спине верблюда
И во сне
Украдкой возвращаться в Андалус².

О дон Антонио!
Всего за полчаса
До появления стражей инквизиции
Тебя увел небесный караван,
Державший путь к палаткам бедуинским.

Куда же денусь я?
Иерусалим
Разрушен за грехи царя Манассии,
И мой народ с чужбины на чужбину
Смертями и рожденьями гоним...

.....

— Горит! — Горит!
И вправду — запах гари.
Так значит, дым меня не задушил?
Как странно — если бы не этот запах,
Я думал бы, что умер
И лечу
Надзвездными путями к новой жизни.

Но сильно пахнет гарью. — А вверху
Какое-то свечение.
Ближе, ближе.
И проступают башни городские
И очертанья сказочных дворцов.
Туда?
Но это град небесный,
Град святых.
Там нету места грешникам сожженным!

.....

— Огонь! — Горят соседние вагоны!
— Погибли мы!
— Так вот мне почему
Приснился сон про этого испанца!

— О Господи! Не дай, не дай сгореть!
Хоть как-нибудь освободи отсюда!

— Остановился!

— Дверь! Выламывайте дверь!

— Вы слышите, стреляют!

— Партизаны!

— Конечно! Это немцы ловят тех,
Кто убежать пытается!

— Посмотрим!

— Ну что ж ты? Прыгай!

— Он не может, он старик!

— Толкай его сильнее, здесь много снега!

Паденье. Боль. И забытье.

Короткое или долгое, кто знает?..

.....

...Как больно мне, и холодно, и страшно.

Что значат эти черные стволы?

Как здесь я очутился? Неужели

Извергла вавилонская темница

Меня из недр своих на этот снег?

Но я здесь не один — я слышу крики,

И лай собак стоит остервенелый.

Стрельба!

Стрельба?

Так вот она, разгадка!

Теперь я понимаю, что к чему!

Я в прежней жизни был царем Манассией!
Теперь мне ясно все, как божий день.
Я царь Манассия — так, значит, не напрасно
Я в прошлый раз расстрела избежал.
Иначе я бы ничего не вспомнил!

...Всех до единого переписали
Евреев города
И повели
Себе могилы рыть и в них ложиться.
И, самый старый и больной из всех,
Сумел я убежать, подделал документы
И малый срок у смерти отыграл.

Но боги ада жаждут своего.
Вслед за евреями черед приходит
Всем остальным — и я попал в облаву.

Теперь уже, со сломанной ногой,
Я не смогу бежать.
Но для чего бежать мне?
Не сюда ли
Стремился я в бесчисленных рожденьях?
О, будь я настоящий каббалист,
А не такой вот дилетант-невежда,
Я по стволам вот этим, по ветвям
Прочел бы, как по книжке,
Что Всевышний
И этот день, и место сотворил,
Чтоб я здесь встретился с самим собою!

И ты, звезда над этой черной кроной,
Я слышу голос твой,
Я понял, что ты значишь!

Но почему меня никто не ищет?
Все понятно:
Пытаются прорваться к партизанам
Те, что бежать смогли.
Погоня
Идет за ними.
Лай собачий и стрельба
Сместились вправо и уходят в чашу.
Что делать мне?
Лежать и смерти ждать?
Но я же царь!
Так не в моей ли власти
Погоню повернуть,
Чтоб хоть кого-нибудь спасти?

Ну, дьявольская рать в рогатых касках,
Здесь знатная приманка для тебя!
— Hierher! Hierher!
Da ist der Jude! Jude! Jude!³

.....
.....

...Душа блаженствует, из света в свет
Переходя и наполняясь светом.

Душа-страдалица!
Как тяжело пришлось

Тебе в темницах из костей и плоти.
Как страх небытия тебя изгрыз!
И как оно пыталось овладеть
Тобой живую
И в безумии топило.
Небытие! Пускай тебе в удел
Достанутся преступные деянья,
В безумье сотворенные,
Пускай
Исчезнет все,
На что толкал
Неодолимый страх исчезновенья.

А наверху — сияет ярче солнца
Иерусалим Небесный,
Град живых!
О родина моя!
Узнай меня! Прими!
О, только бы с тобой не разлучаться!

Но то, что накопилось там, внизу,
Не так-то просто отпускает.
И тянет все сильнее —
И камнем — вниз!..

.....
.....

Он прикасается к своей руке иссохшей
И кожу теребит —
Он жив, он снова здесь.
Сейчас войдет тюремщик

И миску с тошнотворною едой
Поставит на пол.
Вот послышались шаги,
Сейчас засов зазвякает...
Но громом
Гремят затворы!
— Царь! Вовек живи!
Владыка вавилонский возвращает
Тебе свободу и престол отцов!

О эти голоса!
О воздуха касанье!
И запахи!

— Но почему, друзья,
Темничный мрак идет за нами следом,
И я совсем не вижу ваших лиц?
Иль это ночь такая наступила?

Увы, теперь всегда, со всех сторон
Объемлет эта ночь царя Манассию —
Слепым
Вернулся он в Иерусалим!

.....

Приказывает царь соорудить
Пророкам пышные гробницы,
Приказывает из своих пределов
Изгнать Ваалов и Астарт.

Царские рабы,
Во всем царю покорны,
С таким же рвением, с каким они
Сооружали капища и рощи насаждали,
Теперь все разбивают на куски
И рубят.
Но добру — не пропадать же!
Они в свои дома обломки волокут —
Из них очаг
Получится прекрасный.
А дрова из рощ священных
Их пище придадут особый вкус.

...Тысячелетия пройдут,
А всё не смогут
От вкуса этого избавиться они...
.....
.....

Клянется царь и детям, и друзьям,
Что он во всем Всевышнему покорен,
И что он раб Его,
И что во всех мирах
Нет сладостнее ничего, чем это рабство.

Но горькими-прегорькими слезами
Обожжены незрячие глаза,
И по утрам он их открыть боится,
Чтоб не увидеть снова темноту.

Он, засыпая, видит сны,
Но в этих снах
Не видит он садов Иерусалима.
Блуждает в вавилонских подземельях
Его душа —
Но как раздвинулись они!
И как освещены!
Да это целый город!
И в нем — такое множество людей,
Что улицы едва вмещают их.
Но каменные своды их гнетут,
И безысходная печаль у них на лицах.

Он к ним бросается и хочет прокричать,
Что каменные своды — не навечно
И что над ними — синева небес,
А их превыше — небеса иные!
...Но ничего не получается —
Они
Его не замечают и не слышат,
И только в нем самом звучат его слова.
И он их повторяет, просыпаясь.
А мрак стоит над ним и уходить не хочет...

II

И вот однажды растворится ночь
И день придет,
Тот самый день, в который

Прорвется свет сквозь толщу облаков,
И сквозь обледенелое стекло
Скрипучего трамвайного вагона
До глаз его дотянется потухших —
И он вокруг посмотрит с удивленьем.

На окнах — толстый лёд,
И если бы не знать,
Что́ там за ними,
Может показаться,
Что едешь в никуда.
И это лучше,
Чем в школу ненавистную идти.

Нет, кажется, сегодня он опять
До школы не дойдет, а будет шляться
По городу, верней — под ним,
В метро.

Но что с трамваем делается?! —
Окна
Вдруг осветились необыкновенно
И заиграли сказочным огнем!

Он усмехается —
Ну да — «мороз и солнце»,
«Чудесный день», «прелестный друг»,
«Хрустальный гроб».
Но что за остановка? — И в ответ
Звучит как гром:
— Преображенский вал!

Здесь все *преображенское* вокруг —
Метро и площадь.
Рынок.
Переулки.
Он здесь родился.
Почему же вдруг
Его название это обожгло?
И что сегодня с небом происходит?
Оно огромнее
И движется куда-то!
Нет, ни за что он в школу не пойдет.
В метро?
Ну уж туда-то он не опоздает!

Подземка! —
Так отец его и мать
Метро по старой памяти зовут —
Единственное место в целом мире,
Где он себя не чувствует изгоем,
Нелепостью ходячей меж людей.

Родителям внушают психиатры,
Что он в подземном этом царстве ищет
Забвенья,
От реальности уходит.
Если хотите — форма наркомании.

Ну это разве что про вас самих!
Не вы ли сами
Всю жизнь
Исходите самообманом,

Друг с другом состязаясь исступленно
В своих олимпиадах бесконечных,
Когда за все про все
Одна награда — смерть.

Но если он заявит это вслух,
Его в психушку упекут в два счета.
Не лыком шит!
Предпочитает он
Отмалчиваться, глядя исподлобья.

Однако знает он, где распустить язык,
И понаслушаться, и поднабраться
Такого, отчего приличным людям впору
Из кресел вывалиться на паркет.

Зато здесь самому себе никто не лжет,
И слово «смерть» у них не под запретом.
Наоборот, оно нередкий гость
В их разговорах.
С толком и со вкусом
Они часами могут рассуждать
О разных способах самоубийства,
А понижая голос, и о том —
Как убивать.
Без жалости и риска.
Они любовью к жизни не пылают,
И целый мир в обидчиках у них.

Один на днях рассказывал со смехом,
Как мать его базарила по пьянке

И громко жаловалась, матерясь,
Что вот
Она пятнадцать сделала аборт,
А все не те!
И вот теперь кормить
Ей подлеца приходится такого.

И все с ней соглашались, что, конечно,
Она дала промашку,
А ему
Весьма не повезло.
Не то что тем пятнадцати!

Отцы и братья старшие сидят,
И перспектива — вся как на ладони.
Подвал не даст соврать.
А выше этажом
Еще поют про яблони на Марсе.

.....

И он здесь свой среди своих. И это
Почти невероятно.
Точно так же
Не может он понять, зачем и как
В своей родной семье он оказался.

Отец при Сталине — и то не сел,
Хоть был всегда начальником.
А мать!
Да ей, наверно, непристойных слов
И слышать никогда не приходилось.

И братец — так талантлив и учен!
Того гляди — вторым Эйнштейном станет.
(Он первого Эйнштейна пристрелил бы,
Да очень вовремя тот помер сам).

Прекрасная еврейская семья.

И он один — ее несчастье, стыд,
Угрюмый бездарь, черная дыра.

И все равно они его жалеют,
Из школы в школу переводят,
Просят —
В который раз!..

Швыряет гневный завуч
Перед отцом тетрадку с сочиненьем.
Ошибки в каждом слове!
Почерк жуткий!
А пишет он не много и не мало,
Что очень глупо поступил Онегин,
Не дав себя убить на той дуэли.
А ведь прекрасный был бы вариант
Для Ленского, и Ольги, и Татьяны.
И сам Онегин был бы рад и счастлив,
Поскольку жить охоты не имел.

И это в год, когда идет страна
К пятидесятой славной годовщине!
Ну разве же за это —

Вот за это?! —
Боролись мы в семнадцатом году?!

Отец, глаза смущенно отводя, —
В который раз! —
Все то же повторяет:
Что много лет назад, когда он был
В весьма ответственной командировке,
Жена — на пятом месяце тогда —
Попала на Лубянку по ошибке.
И хоть ошибка сразу разъяснилась,
И в тот же день она ушла домой,
И перед ней полковник извинился
По меньшей мере двадцать раз,
Но ужас всех застенков,
Лагерьей,
Всех пересыльных тюрем
И этапов
На мозг младенца отпечатком лег,
И он таким, какой он есть, родился.

.....

И вот на площади Преображенской
Стоит он,
И над ним бушует свет,
Какого он до этого не видел
Ни разу,
Ни во сне, ни наяву.

— Простите, мне сегодня не до школы!
Все небо в разноцветных облаках.

И он пойдет туда, куда они
Его ведут.
На рынок — так на рынок.

Но через рынок,
В эту рань безлюдный,
Он пролетает, словно на коньках,
И упирается в кладбищенскую стену.

Нет, кладбище сегодня ни к чему.
Туда всегда успеется.
А справа —
Распахнуты огромные ворота,
И там, за ними — церковь под крестами⁴.
Он обошел ее кругом, взрыхляя снег.

А возле колокольни,
У ограды,
Стояли двое, явно деревенских —
Мужик и баба,
И между собой
О чем-то спорили.
И страшно захотелось
Ему подслушать этот разговор.

Мужик в тулупе, в длинных сапогах,
Огромную обросший бородою,
Напористо и с жаром говорил:
— Сей город есть духовный Вавилон,
Вертеп убийц, лжецов и чародеев.

Мильоны душ прошли через него,
Которые с рожденья и до смерти
Ни разу не помыслили о Том,
Кто им дарует жизнь, и хлеб, и воздух.

Но близок час — разверзнется земля
И толща водная безбожников покроет.
Господь не пощадил Иерусалим —
Уйдут ли от расплаты дети мрака?

А женщина в ответ на те слова
Смеется, как от радости нежданной.
— Да разве ты не видишь?
Мы — на дне,
И толща водная нас покрывает,
И даже от прозревшего скрывает
Превечный свет и небеса небес.

Но если смелости тебе достанет
И если ты все силы соберешь —
Иерусалим Небесный,
Божий Град,
Над этим грешным городом увидишь.

— Выходит, голову вот так задрав,
Его ты можешь видеть отовсюду? —
И в голосе его звучит насмешка.

Она слегка колеблется
И все же
Негромко отвечает:

— Есть места,
Где небо — ближе.
И одно из них — здесь рядом:
Это площадь Трех Вокзалов.
За час до наступленья темноты...

...Но он ее не в силах больше слушать —
Бежать туда, бежать! Скорей в метро!

.....

Из-под земли выходит он.
А небо
Уже опять в тяжелых темных тучах.
И небывалый свет почти исчез,
Но задержался на вокзальных башнях.
И три вокзала — словно корабли,
Сигналы посылающие в небо.

.....

.....

О, если бы здесь не было людей!
Он встал бы на колени,
Землю грыз!
Откройся! Покажись!
Яви свой свет!
Ты здесь. Я это знаю.
Сердцем вижу.

Он озирается, ища кого-нибудь,
Кто бы пришел на помощь.

Если только
Здесь двое или трое захотят
Того же самого,
То небо отворится.

Но нету никого.
Огромная страна
Перетекает через эту площадь,
Но все идут подземным переходом,
И некогда на небо им глазеть.

Промерзший до костей,
Глотая слезы,
Бредет он поздно вечером домой...

.....
.....

Он, засыпая, видит сны. Но в этих снах
Не видит он садов Иерусалима.
Он видит самолет.
Один и тот же
В московском небе странный самолет.

Он смотрит на него из-под руки,
С земли,
И различает очень четко
На крыльях свастику —
Молоха страшный знак —
И летчика, сидящего в кабине.
Он взглядом набирает высоту

И вздрагивает:
Сквозь стекло кабины
Он видит самого себя.
И вот уже он сам
Летит и видит, как под ним ползет
От самолета тень
И на глазах чернеет
И искривляется — и свастикой когтистой
Впивается в дома и в переулки,
В пути трамвайные и в станции метро.

Царя Манассии грехи свинцовой тучей
Летят над обомлевшею Москвою,
И показалась площадь Трех Вокзалов...
И он уже опять стоит внизу
И смотрит вверх с трамвайной остановки,
И на него ложится эта тень.
И понимает он: еще секунда —
И люк откроется,
И все, что силы ада
Изобрели, чтобы с небес на землю
Обрушивались ненависть и смерть,
Оттуда упадет...

На страшный крик его
Соседи за стеной проснутся,
Мать заплачет,
Отец — в который раз! —
Проговорит:
— Лечить его, лечить! А то мы все
Окажемся в дурдоме вместе с ним. —

И, пригоршню таблеток проглотив,
Забудется под тяжкий стук в висках.

.....

А он опять идет в свое метро
Превозмогать недобрую реальность,
Навязанную неизвестно кем,
Но всеми принятую безраздельно.

Какое множество людей!
Он любит
Смотреть им в лица, поднимаясь вверх
По эскалатору, когда они,
Смиренны, бесконечно терпеливы,
Спускаются под каменные своды.

И в длинных переходах на «кольце»
Смотреть им в спины,
Словно перед ним
Измученных овец большое стадо,
А он — пастух
И гонит их куда-то.

И кажется, что каменное небо,
Которое рукой потрогать можно
И от которого никто не ждет
Каких-то там чудес и откровений,
Им во сто крат понятней и родней
Бездонной выси,
К вечности зовущей.
Да что с них взять, когда они в могилах

Родятся и живут,
И кроме смерти —
Хоть расшибись — ничто не светит им!

Но каждый раз, когда он едет вниз
И смотрит на соседний эскалатор,
Он видит, как они,
Пускай невольно,
Вверх обращают лица —
И на миг
Невнятной озаряются надеждой.

О, если бы он мог им прокричать,
Что там, над этим городом, где сроки
Они мотают в ожиданье смерти,
Есть Град Живых!..

Но он же никогда
И сам его не видел...

Целый день
Он ездит по «кольцу»,
Потом на Юго-Запад,
Потом домой обратно,
По прямой.

.....

— Ты на Дзержинке сходишь?
Если нет —
Садись, не стой в проходе.
Он садится.

И женщина, которую в тот день
Он видел на Преображенке возле церкви,
Сидит напротив
И ему в глаза
Так смотрит, словно требует чего-то.

И понимает он, что все
Уже произошло,
И вместе с нею
На «Комсомольской» надо выходить.
Он понимает, что его нашли
И больше потеряться не дадут.

И все же поначалу он боится
Поднять глаза,
Чтоб снова не увидеть
Одни лишь облака.

Но за руку она его берет,
И страх последний исчезает.
Он смотрит вверх —
И видит над собою
Иерусалим Небесный —
Божий Град.

¹ *Манассия* — иудейский царь, четырнадцатый из династии Давида. Период его правления охватывает почти всю первую половину VII в. до н.э. В IV Книге Царств (21, 11–12) о нем сказано: «...За то, что сделал Манассия, царь

Иудейский... так говорит Господь, Бог Израилев, — вот, Я наведу такое зло на Иерусалим и на Иуду, о котором кто услышит, зазвонит в обоих ушах у того...» Также у пророка Иеремии: «...Так говорит Господь: <...> отдам их [израильтян] на озлобление всем царствам земли за Манассию, сына Езекии, царя Иудейского, за то, что он сделал в Иерусалиме» (15, 4).

² *Андалус* — арабское название Испании.

³ — Hierher! Hierher! // Da ist der Jude! Jude! Jude! — Сюда! Сюда! // — Здесь еврей! еврей! еврей! (*нем.*)

⁴ *...Церковь под крестами* — старообрядческая церковь на Преображенском валу в Москве. В ее служебных постройках, по свидетельству очевидцев, вплоть до 60-х годов нашего столетия проходили тайные собрания христововеров, в просторечии называемых хлыстами. *Под крестами* — т.е. действующая.

Сказание об Иннокентии Смоктуновском

I

Синоним гениальности.
Актер,
Которого любили, словно Бога,
Или как Пушкина в России любят.

Судьба, достойная поэм и лучших пьес...
(Но кто же Смоктуновского сыграет?)
Дивная судьба.

.....

Был год как год,
Но странная истома
Подкатывала к сердцу.
Как всегда,
Мы о любви мечтали...
А о чем же
Нам, Господи прости, еще мечтать?
О достоянии свалок и помоек?
О том, что в гроб не втиснешь-не впихнешь?
Ну нет,

Мы будем о любви мечтать!
Хоть некого любить
И только в книжках
Читать нам доводилось про любовь.

Но вот пронесся слух, что нам готовят
Неслыханный подарок —
Нам,
Для нас
Поставят «Гамлета».
И не в каком-то театре,
Куда нам ехать десять тысяч верст
И все равно билета не достать,
А там, куда пускают всех,
Как в Божий храм.

Кино! Наверно, нам не зря внушали,
Что ты для нас — «важнейшее искусство»,
Сокровище, что всем принадлежит
И каждому,
Но то, что всем — важнее.

Когда над кинозалом гаснет свет,
Друг друга видеть мы перестаем,
Но мы не исчезаем друг для друга —
Наоборот, сердцебиенья все
Сливаются в одно,
Чтоб в это сердце
Огромное
Вместился без остатка
Сияющий в ночи киноэкран.

Киноэкран! Окно в миры иные!
Оттуда по-иному видят нашу жизнь.
Там слышат музыку, которая родится
Из наших вздохов и шагов,
Из нашей радости и из смертельной боли.

Ну разве в силах *мы* ее расслышать?
Но ты, кино, ее нам возвращаешь.
И возникает смутная догадка,
Что мы идем по клавишам незримым,
Невидимые струны задевая,
И, может быть, и впрямь дойдем когда-то
Туда, откуда свет приходит к нам.

И все же мы не так просты, мы понимаем,
Что фильмы фильмам рознь,
И нас не каждый день
Шекспиром на экране осчастливят.

Шекспир!
Отец наш! Старший брат любимый!
Жизнь без тебя — глухая ночь без звезд.
Постылый сон рабов, которым снится
Все тот же бич и скудная похлебка.

О Боже! Как Тебя благодарить
За то, что к нам
В российскую глубинку,
Которая порою глубже ада,
Спускался он
С детьми своей души!

Он ради нас с прекрасною Джульеттой
Бестрепетно в могилу лег живым.
С Корделией он гордо отказался
От лучшей доли в Лировом наследстве,
Чтоб душу от неправды уберечь,
Для нас ее сберечь,
Для нашей лучшей доли.
Нас гнули подлецы,
Но Гамлет, Гамлет
Ни разу перед ними не согнулся.
За правду он погиб,
А значит, и за нас.

И вот поэтому, лишь речь о «Гамлете» зашла,
Мы стали чуда ждать —
И дождались.
Еще бы!
Согласно непреложному закону,
Кто верит в чудо, тот его дождется.

Кино — не театр.
Там все на самом деле.
Наш Гамлет неподдельным был, живым
И звался Иннокентий Смоктуновский.

И в этом дивном имени слились
Прекрасный принц, бескомпромиссный, чистый,
И долгожданный гений, о котором
Мечтала русская душа.

Да, не мудрец-писатель, не трибун,
Не толкователь Маркса, а всего лишь
Актер.
Из всех даров Господних
Ему достался самый хрупкий дар
И самый горький.

Хорошо поэту!
Ему бумага даже не нужна.
Сложи стихи — и пой!
А ветер их подхватит
И разнесет по тысяче дорог.

Родишься вновь — и даже не узнаешь,
Что эта песня сложена тобою...
Да разве может быть чужою
Та песня,
Что, переполняя сердце,
Тебя возносит над землею?
Кто б ни сложил ее — она твоя!
Сокровище, что всем принадлежит
И каждому —
Придите, пейте даром
Живую воду сердца моего!

А каково актеру?
Единственный, которому дано
Настолько к нам приблизить Божий образ,
Чтоб нас его дыханье обжигало, —
Он всех бесправней,
Уязвимей всех.

Его всепожирающее время
Преследует с удвоенною злобой.
Отрезанный от зрительного зала,
Клеветникам-завистникам в ответ
Он ничегошеньки не может предъявить.
Он сам — единственный свой аргумент.
Бесценный дар актера
Лишь в нем живет
И в нас.
Живет любовью нашей.

О как же полюбили мы тебя,
Наш светлый Гамлет!
Как любовь росла,
Когда мы из газет и друг от друга
По крохам узнавали о тебе —
Что вынес ты, какой проделал путь,
Чтобы свиданье наше состоялось.

II

Россия делится на две неравных части,
Как две сестры с неравною судьбой.
Одна другой безропотно готова
Отдать свои наряды-жемчуга,
А надо будет — и последний грош.
Другая все это проглотит, не моргнув,
Любую жертву примет,

Но однажды
В прекрасный день, прекрасный для обеих,
Для мира целого прекрасный день —
Таким великим светом просияет,
Что станет видно до краев земли.
Так повелось давно, и мы привыкли
К специфике Российского устройства:
Москва — и область,
До краев земли.

Вот так и Смоктуновский наш пришел
Из глубины, где зреют самоцветы
Под ветром ледяным,
Под гнетом власти
Безжалостной.

Был родиной его
Тот самый край, где Енисей течет,
Где в кронах сосен звезды поселились
И воет дни и ночи напролет
Век-волкодав.
И нет ему конца.

Его отец, могучий великан,
Работал грузчиком.
На красноярских пристанях
Ему не знали равных.
Но в душе,
Как у ребенка чистой,
Он таил,

Как безнадежную любовь,
Мечту
Стать летчиком.

Над Енисеем красные яры
Вздымали в небо головы и плечи.
Оттуда было видно хорошо,
Как в небе кружатся аэропланы.

Крылатых братьев светлая община!
Он любовался ими,
Он любил их.
Он сердцем с ними поднимался в небо.
Он был одним из них.

.....

Но вот однажды небо содрогнулось,
И началась война.
Огромный Михаил,
Колонну ополченцев возглавляя,
Пошел на фронт.
И словно древний Пересвет,
Он пал в бою
И землю сжал в своих объятьях.
И победившая душа навек вошла
В общину светлую крылатых братьев.

.....

А Иннокентию шестнадцать лет...
В солдаты
Такого не возьмут.

Да что он за солдат?
Он грезит стать актером.
Он родился,
Чтоб Гамлета сыграть.
Но это значит,
Что светлый Гамлет,
Благородства символ,
С рождения живет в его душе.
И он находит выход, чтоб оружие
Скорее в руки взять
И отомстить
За Родину-вдову и за отца.

Военное училище не фронт,
Но все же ближе к фронту.
О, надолго
Затянется война!
Успеет он
В сраженьях побывать
И в плен попасть.
Успеет вовремя бежать из плена.
Добьет гадюку в логове ее.
И возвратится под родное небо.
И насладится торжеством полета.
Но он взлетит не на железных крыльях —
Незримые
Надежней и быстреей.

III

Теперь придется рассказать о том,
Во что никто, или почти никто, не верит.
Любовь двоих...

Мы все Мессию ждем
И ждем, что у него
На всех любви достанет.
И мы его до слез любить готовы
Не ради хлеба вдоволь и задаром,
А потому, что он бескрылых нас
Крылами необъятными подхватит
И победит земное притяженье,
Которое враждует с нами вечно
И жаждет поглотить
И утвердить над нами
Могильным камнем торжество свое.

О как сладка твоя любовь, Мессия!
Ты так немного требуешь взамен —
От каждого по огоньку — и в пламя
Они сольются общее,
И станет
Оно ответом на твою любовь.

Любовь двоих — совсем другое дело.
Она трудна, она страшна:
Их двое —
И целый мир воюет против них.

Как изворотлива земная тяга!
Обличий принимает миллионы.
Миллионами имен прозваться может,
Но всем другим предпочитает имя
Негромкое, но гордое — реальность.
Реальность противостоит тому,
О чем душа с младенчества мечтает:
Любви навеки,
Дружбе бескорыстной,
Свободному полету
И бессмертью.
Но главный враг ее —
Любовь.
Их — двое.
И сделать с ними ничего нельзя.
Реальность побеждая каждый миг,
Любовь двоих могучие крыла
Растит,
Подобные крылам Мессии.
И сделать с нею ничего нельзя.
Однажды
Любовь двоих Вселенную заполнит.
Любовь двоих Вселенную спасет.

До той поры удел наш будет смерть,
Разлука вечная, страшнее смерти,
И горькое неверие в любовь,
Дарующую крылья и бессмертье.

.....

...Она была такой же старой девой,
Как тысячи и тысячи других,
Войною заживо и прочно погребенных.
Признаюсь, что вдова и сирота
Не так мне больно сердце ранят,
Как эти женщины, лишенные судьбы.

Любить умершего никто не запретит.
Его чем больше любишь, тем он ближе.
Умерший не изменит, не предаст.

Но у вдовы *Подольского курсанта*
Такого права нет.
В межзвездный мрак
Ее душа сигналы посылает.
И никакой надежды на ответ.

Итак, она была одной из них.
С конца войны минуло десять лет.
Ей было тридцать.
Все ее подруги
Уже привыкли к участи своей.
Они пытались с жизнью примириться,
Любовников каких-то заводили.
Но это ничего не изменяло.
Любовник заменить любви не может.
Любовник — это суррогат любви.

Она решила умереть, не сдавшись.

Она мечтала в детстве стать актрисой.
Но это не было желанье славы,
Подделанное под любовь к искусству.
А как иначе сделаться Джульеттой
И умереть, чтобы любовь восславить?
Воскреснуть — и опять Джульеттой стать!
Ты видишь, Время,
Кому-то удалось тебя схватить
И заключить в душе —
И пусть в локальной битве,
Но вышел победителем Шекспир!

Актера ремесло — преображенье
Души, подвластной телу,
В душу без оков.
О счастье дивное — повиноваться
Тому, кто сотворил твою судьбу
И высший смысл вложил в поступок каждый!

О если бы и в жизни было так!
О кто бы нашу горестную жизнь
Нам рассказал, за нас ее осмыслив!
Тогда не страшно жить,
Не страшно умирать,
И только вечно длится воскресенье.

.....

Она сумела вовремя понять,
Что ей талант актерский не достался.
Верна своей любви, она пошла в театр
Джульеттам-Розалиндам шить наряды.

И там, где золушкой она служила,
Она однажды стала королевой.

.....

Он полюбил ее еще до встречи.

Не первой юности актер провинциальный,
Со скрипом принятый на третьи роли,
Бездомный, ночевавший где попало,
Он задремал в гримерке
И во сне
Услышал, как позвали:
— Суламифь!

Он так был изумлен, что просыпаться
Не захотел.
Но снова прозвучало:
— Да где ты, Суламифь?
И между сном и явью
Граница стерлась —
Вздумалось когда-то
Ее назвать родителям-евреям
Тем именем таинственным,
Тем словом,
Которое Всевышний Бог избрал
Любви-Мессии позывными.

И он их принял и решил:
Она
Его полюбит.
И тогда свершится

Все, для чего он шел сюда годами
Через огромную, как мир, страну.

IV

С войны минуло десять лет.
В России
Настала небывалая пора:
Ни Сталина, ни немцев, ни царей,
Ни крепостного права, ни монголов.
Израненными крыльями взмахнув,
Она, не веря счастью, поднялась
В космическую высь.
Во всех театрах
От Эривани до Владивостока
В те дни Шекспира ставили захлеб.

И возвращались павшие в сраженьях
В объятия юных матерей.
Звучало
Над колыбелью их на все лады:
— Любить, любить
Отчизну, ближних, дальних!
Твоей душе принадлежит весь мир —
Земная глубь и высота небес,
День нынешний
И бесконечность Завтра.

Так Павел некогда коринфян уверял.
И многие восприняли всерьез.
И вера их по кругу всей земли
Немало сотворила чудных дел.

Но оказалось, что не кончен спор
Архангелов и полчищ сатаны,
И враг хитрей, чем мы предполагали.
Он отступил, перегруппировался
И двинулся на нас из всех щелей.

Идет и топчет Павловы деянья
И все, что впопыхах успели сделать мы.

Да где же мы сейчас?
Какие песни
Звучат кругом!
В них о любви — ни слова.
Здесь каждое дыханье славит смерть.

Похоже, наш корабль прибило к аду...

Ну что ж, придется на берег нам выйти
И волоком тащить сквозь этот ад
Себя самих и все, чем живы мы.

И ради тех, кто в нас
Живет любовью нашей,
Мы перетерпим все —
Чтоб не погибнуть им.
Коль нет иных путей —

Прорубимся сквозь смерть.
И поглядим назад
И изумимся:
Пошел на убыль ад,
В небытие сползает.

.....

Коринфяне спускаются с небес
И землю принимают во владенье.
Все сбудется, как Павел их учил.

Давайте им навстречу полетим!
Расскажем обо всем, что было с нами,
И песни наши лучшие споем.

Песня о боярыне Морозовой

I

На святой Руси,
На Руси великой
Жил боярин вельможный
Борис Морозов.
Все князья-бояре Морозова боялись,
Вся Москва пред Борисом трепетала —
Он царю был сыздетства наставник,
Он царице был родич любимый,
Он владел богатством несметным,
Изо всех бояр почитался первым.

Лишь одна печаль боярина томила —
Не было у него детей,
А старость не за горами.
В горькой старости
Любой бедняк боярина богаче,
Когда малые внуки
Сидят у него на коленях.

И взмолился к Богу боярин Морозов:
— Вот мой брат меньшей,
Он мне вместо сына.
Кабы мог я, Господи,
Найти ему невесту,
Да такую,
Чтоб ей равных не сыскалось:
Чтобы мудрой была,
И чистой,
И прекрасной видом,
Чтоб, вослед ей глядя,
Вся Москва дивилась,
Чтоб достойный наследник от нее родился
Моей славе — моему богатству.

— Диво-дивное!
Исполнилась боярина молитва.
На другой же день
Докладывают ему сваты:
— Так, мол, и так,
Есть невеста в боярском доме —
И лицом прекрасна, и чудно стройна станом,
Так умна,
Что с ней старцы ведут беседу,
Так чиста,
Что птицы ей на руки садятся.
Входит в церковь —
В церкви Божьей делается светлее.

Как обрадовался боярин Морозов! —
Обвенчал он брата Глеба с девицей Феодосьей.

Через год у них сын родился,
Что месяц ясный.

Старый Морозов себя забыл от счастья —
Каждый день посылает невестке
Заморские яства,
Дарит яхонты ей,
Как у польской королевы,
Золотой возок,
Лучше чем у самой царицы.

Ах, боярин Борис Морозов!
В том ли мудрость,
Чтоб есть дорогие яства?
Сердце чистое —
Не ярче ли яхонтов светит?
Позабыл ты,
Какими словами молился Богу.
Да Господь помнил!

Сердце мудрое в том,
Кто, в высоком тереме сидя,
Слышит,
Как в слободе погорелой
Сироты от голода плачут,
Как стонут колодники
В сырых подвалах.

Потому-то молодая боярыня Феодосья
В золотом возке ездить не хотела,
Яхонтами себя не украшала —

Одевала она простую одежду,
Обувала грубые лапти,
Тайно покидала белокаменные палаты,
В темные слободы уходила.

Кормила голодных,
Нагих одевала,
Из глубокой ямы
Вызволяла пленных,
От кнута и огненной пытки
Несчастных откупала,
Посылала выкуп за тех,
Кто в неволю попал на чужбине.

А когда спасенный
В ноги ей бросался,
Поднимала его, говорила строго:
— Господу единому воздай славу.
Он дает нам в долг —
Мы ему возвращаем.

А когда ей встречался
Дворянский сын обнищавший,
Посылала ему Морозова лисью шубу,
Сапоги из красного сафьяна.
Дворянина нельзя дарить,
Как простого смерда, —
Сердце чистое недаром слышит,
Как отец и дед его

В небесах плачут,
Что дошел их сын до нищеты и позора.

.....

С юных лет осталась Феодосья вдовою.
Она не роптала,
Судьбу не корила.
Говорила тем, кто приходил ее утешить:
— Кто мне дал однажды любимого мужа,
Тот, по воскресении, вернет мне его снова.

Сердце робкое страшится
И малой разлуки,
Сердце чистое
Алмаза крепче,
А у Господа —
И тысяча лет как один день.

II

О ту пору задумал царь Алексей Михайлович
Весь народ христианский
Обратить в рабство.
Приковать к земле железной цепью,
Приравнять нашу горькую долю
К доле скотов бессловесных.

Вот сошлись на совет князья да бояре —
Никого не нашлось за народ заступиться.

По душе им государево решенье,
И недаром:
Христианский пот для них — то жемчуг,
Кровь народная — червонное злато.
Больше всех царицы родичи довольны,
Первый среди них —
Борис Иванович Морозов.

Как домой воротился боярин Морозов,
Выходила Феодосья Прокопьевна ему навстречу,
Выходила — говорила без боязни:
— Государь-отец-старший братец!
Высоко в небе светит солнце.
Но превыше солнца
Правда Божия сияет.
Не посмеет солнце
Лишить землю света —
Не посмеет от Божьей правды отступиться.
А царей-князей
Над людьми Господь ставит,
Чтоб творили им правду и суд,
А не пот с них лизали кровавый!

Прогневили Морозова слова Феодосьи.
Не стерпел он,
Сказал ближним своим людям:
— Загордилась невестка!
И впрямь
Возомнила себя всех умнее!
Ну вольно тебе!
Любишь молиться Богу —

Заточу тебя в монастырь далекий,
Будешь класть поклоны и днем и ночью.

Так сказавши,
Затворил он дверь и лег на постели,
Только видит —
Вошла к нему гостья,
Та, что сквозь любые двери проходит,
От которой замком не замкнешься.
Вошла смерть сама со серпом своим острым,
Отделила душу от боярского тела,
И отправился он на суд
К Господнему престолу.

.....

А уж царские стражи по всей земле рыщут,
Зорко смотрят,
Чтобы рабства никто не избегнул.
Ловят беглых,
Непокорных казнят жестоко,
В рудники ссылают на Лену —
Ледяную реку.

Больно землю долбить во мраке,
На коленях стоя, —
Во сто крат больнее
Вспоминать о детушках родимых,
Как их продали на чужую сторонку
За бочонок вина да за конскую сбрую.

Господи, Господи!
Не ты ли нас создал!
Не Христова ли кровь
Нас от вечного ада искупила!
Посмотри же,
Как здесь они ругаются над нами!
Сатана в аду такого не измыслит —
От сосцов материнских
Отрывают младенцев,
Вместо них суют
Щенков собачьих.
— Корми, сучья кровь,
Сучат господских!
С человечья молока
Они станут еще злее,
Коли вздумаете бежать —
Разорвут вас на части.

.....

Как услышал царь Алексей Михайлович,
Что народ со всей земли
Вопит к Богу,
Призадумался он
И на страшное отважился дело —
Искривить решил святую веру,
Заслонить от нас, грешных,
Небо Господне,
Чтоб молитвы наши туда не доходили,
Чтоб заступники наши
От Русской земли отвернулись.

Призывает к себе царь советчика злого,
Патриарха-антихриста,
Лукавого Никона-собаку.
Говорит ему бессовестный Никон:
— Повели, государь, чтобы впредь
Во всей земле Русской
Не посмел бы никто помолиться Богу,
Прежде чем поклонится
Царю и патриарху.
Чтоб никто не смел
Искать иной правды,
Кроме той,
Что патриарх и царь возвещают.
Ты велишь —
А уж стражи твои досмотрят зорко,
Чтоб никто твоего повеленья не нарушил.

Господи!
Как же быть нам?
И что делать?
Страшен гнев Твой,
Да говорят же,
Что Бог — высоко.
Царь — далёко,
Да палачи его все ближе!
Топорами стучат,
Рубят срубы, чтоб жечь нас живыми.

Смилуйся над нами!
Укажи, на кого опереться!
Тьма кромешная нас объяла,

Без огня путеводного —
Погибаем!

Говорит Господь —
Кто зажжет светильник,
На высоком месте
Поставить его должен.
Оттого и Москва святая
На холмах стоит на высоких.

Высоко стоял Морозовский дом,
Был он всей Москве виден.
Распахнула Феодосья Прокопьевна его двери,
Потянулись туда Божьи люди —
Те, что истину Божию
Превыше души своей возлюбили,
Что и малую крупицу правды
Не уступят сатане вовеки.

Стал Морозовский дом
Словно крепость,
Словно пламя к небу,
Возносилась оттуда молитва.
А вокруг народ московский
Исполнялся силы
И стоял за правду —
Не хотел царю покориться.

Как узнал про это царь Алексей Михайлович —
Испугался.
Глубокой ночью

Ворвались к Морозовой его стражи,
Заковали боярыню тяжелой цепью,
С милым сыном проститься не дали,
Повлекли в монастырь, в подземелье.

Говорили царю приспешники злые:
— Повели, государь,
Ее сжечь поскорее,
Чтобы впредь другим
Неповадно было.

Только царь недаром
Душу дьяволу продал —
Научил его дьявол
Хитрости змеиной.
Отвечал им царь:
— Ой вы, верные слуги!
Человека сжечь —
Нехитрое дело.
Прежде надо, чтоб от правды
Боярыня отреклася,
Чтобы подлый люд
Надежды на Бога лишился.

Приходили к ней в подземелье
Царские вельможи,
Приходили — увещали ее и стыдили:
— Не годится тебе, боярыне знатной,
Черный хлеб глотать
В кандалах и в кровавой коросте.
А повинна в той беде

Твоя гордыня,
А гордыня — это грех величайший.

Феодосья Прокопьевна им отвечала:
— Неужели бояре Христа знатнее?
Он — мой истинный царь —
Не гнушался такой пищей,
Он терновым венцом венчался
И был за меня распят.
Не предаю я его любви
И под самой жестокой пыткой.

Так она говорила в сыром подземелье,
А слова ее
По всей Москве разносились.
Пробирались к ней в темницу
Верные люди,
И она их наставляла
И укрепляла в вере,
А тюремные стражи
Между собой шептались:
— Как мы их сегодня не увидим,
Так пусть на Страшном суде
Не увидятся грехи наши.

Догадался об этом царь Алексей Михайлович —
Приказал везти боярыню на Ямское подворье,
Чтоб пытали ее там
Палачи непростые —
Князь Одоевский и князь Воротынский.

Заломили ей белы руки,
Связали,
Высоко подвесили на дыбу.
Стали бить кнутами нещадно,
Так что кожа ключьями повисла.
А потом ее водой отливали
И пытали вновь,
Каленым железом.

Удивилась Морозова их лютой злобе
И, пришед в себя, князей спросила:
— Отчего я вам так ненавистна,
Князь Одоевский и князь Воротынский?
Я ль не ласково в моем доме вас встречала,
Дорогих гостей,
Кумовой своих крестовых?

Потемнев лицом, князья отвечали:
— Праведный для грешных —
Что огонь адский.
Вся неправда, что в сердце у нас гнездится,
Чуть завидя тебя, на дыбы вставала
И терзала наши бедные души
Еще злей,
Чем тебя мы сегодня терзаем.

Доложили царю Алексею Михайловичу:
— Не сдается боярыня Феодосья.
Только молит Христа:
«Не покинь меня, мой Боже!
Я и в смерти от Тебя не отрекуся!»

Усмехнулся царь,
Повелел до времени ее не мучить.
Сам отправил соглядатаев тайных
Поглядеть за морозовским домом,
Разузнать,
Как живет ее сын любезный,
Молодой боярин Иван Глебович.

Шел Ивану Глебовичу восемнадцатый годочек.
Был он разумом светел,
Учен
И к людям ласков.
А лицом и статью был так прекрасен,
Что народ московский
Дивился, на него глядя:
Чисто ангел Божий
Боярское принял обличье.

Только с ночи той,
Как в цепях увезли Феодосью,
Перестал ее сын выходить за ворота.
От тоски и ночей бессонных
Занедужил Иван Глебович —
В тот же час об этом
Стало царю известно.
Посылал к нему царь
Лекарей самых лучших,
Самых лучших лекарей немецких.
Наливали они в чарку лекарства,
А в лекарство подмешали
Смертельного яду.

Только выпил Иванушка того зелья,
И закрылись навсегда его ясные очи.

.....

— Видишь ты теперь, что Господь тебя покинул, —
Говорили Морозовой ее супостаты.

— Он от мук тебя не избавил,
Он лишил тебя сына.
Нету пользы в твоём упорстве.
Покорись лучше царской воле
И покайся в преступной гордыне.

Зарыдала Феодосья Прокопьевна, завопила:

— Ах вы, Каиново семя,
Я ль не вижу,
Чему вас наущает дьявол!
Мало вам, что вы извели мне сына,
Всю-то Русскую землю
Погубить вы хотите!
Знайте —
Ежели не вытерплю этой муки —
В Судный день Богородица Святая
От народа сего отвернется,
Не замолвит за него перед Господом словечка!

Матушка-Заступница!
Не отринь нас, грешных!
Донеси до Господа
Мольбы наши!
Ах, одна,
Одна осталась нам молитва

На года,
На века скорбей грядущих:
Дай нам, Господи,
Твоего терпенья —
Бесконечного терпенья Христова, —
И тогда никакая сила
Нас с Тобой разлучить не сможет.

Мы Москву святую покинем,
Белокаменные оставим храмы
И уйдем тропами глухими
Ради правды Божьей скитаться.
И в скитах,
В урочищах темных
Сбережем наше сердце живое —
В нем пребудет живой наша правда,
И на Страшном суде просияет.

.....
.....
.....
.....

Не затем ли Ты, Господи Боже,
Широко нашу землю раскинул,
Оградил ее лесом дремучим,
Оковал ее морем студеным?

.....

Понял царь Алексей Михайлович,
Что не он
Над нашим сердцем властен,

И решил отомстить лютой местью
Тем, кто Господа сильнее других любит.

Повелел он боярыню Феодосью
Отвести в глухой далекий Боровск,
Вырыть там преглубокую яму,
Чтобы в ней
Без еды-без света
Долгой смертью она умирала.

Как услышала Морозова приговор жестокий —
Кликнула она свою верную подругу,
Честную вдову Марию Данилову,
И сказала:
— Отыщи, Мария Герасимовна,
Ты в Москве князей Урусовых терем,
И скажи сестре моей меньшей,
Молодой княгине Евдокии, —
Повелел мне царь умереть лютой смертью
Ради правды Божьей
В святой земле Русской.

Светлая княгиня Евдокия помолилась Богу,
Богу помолилась — святое Евангелье раскрыла.
И прочла она слова Господни:
«Если семя пшеничное, падши в землю,
Не умрет — то пребудет одиноко,
А умрет — то принесет плод великий».

И сказала княгиня Евдокия:
— Дорог муж,

И дороги малые дети.
И жизнь дорога.
А правда Божия — всего дороже.

Она мужу-князю в пояс поклонилась,
Малых детушек своих поцеловала.
Взявшись за руки, пошли они с Марией
И пред царскими судьями предстали.

И сказали они судьям царским:
— Умереть хотим с Морозовой вместе
Ради правды Божьей в святой земле Русской.
Чтобы правда на Руси не погибла —
Воскресла, —
Лютой смертью ныне
Без страха умираем.

Отвезли их всех троих в Боровск,
Опустили в страшную яму.
И Морозова до конца сестер ободряла,
Проводила их в путь
И сама умерла последней.

С той поры народ христианский
Стал горькой вдове подобен —
Нет у нас государя,
Пасут нас лютые волки.
Господи Боже!
Смилуйся над нами!
У тебя ведь —
И тысяча лет как один день!

II. Малые поэмы и стихотворения

Саша Таганский¹

Саша Таганский считал, что ниже
Упасть нельзя,
Что это всё
И есть ад.
Я и сама теперь так вижу,
Да и многие так говорят.

А еще он учил,
Что до конца загубить свою душу
Здесь невозможно,
Разве что
Заработать на обратный билет.
А поскольку все умирают
Рано или поздно,
То, стало быть,
Никаких вечных мук
Нет.

И что тот сораспялся Христу,
Кто идет добровольно
Не на крестную смерть,
А на крестный жизненный путь,
И хотя умирать в муках
Страшно и больно,
Но еще трудней идти
И с пути не свернуть.

И немало тех,
Что обещали вначале
Гореть не сгорая
И освещать царство тьмы,
Но не исполнили того,
О чем так мечтали,
Побежденные страхом
Тюрьмы и сумы.

И за примерами ходить далеко не надо,
Но будь благословен
И малый свет,
И может согреть
Средь этого хладного ада
И спичка одна,
Как сказал когда-то Поэт².

¹ «Саша Таганский» — прозвище московского вероучителя Александра Михайловича Штырова (1927—1989).

² Поэт — О. Мандельштам; здесь — видоизмененная цитата строки «...и спичка серная меня б согреть могла».

«Шесть персонажей в поисках автора»¹

Шесть персонажей смотрят вокруг обалдело.
Шесть персонажей ищут тебя, Пиранделло.
Ищут — не могут найти. Отзовись же!
Что ж ты покинул своих персонажей, Луиджи?

Шесть персонажей,
Двенадцать и двадцать четыре,
Шесть миллиардов,
Заброшенных в призрачном мире,
Ищут того, кто судьбу их придумал,
Душу и тело,
И не находят и плачут.
И горше всех ты, Пиранделло!..

¹ «Шесть персонажей в поисках автора» — пьеса знаменитого итальянского драматурга Луиджи Пиранделло (1867—1936).

Ночь

Ночь,
Когда матери плачут,
Вспоминая детей,
На войне убитых,
Не вынесших пытки,
Сгинувших бесследно
В адских лагерях на краю света...

Ночь,
Когда матери плачут,
Вспоминая детей,
Убитых во чреве,
Тех детей,
Которых по отцовской воле
И по материнскому желанью
Растерзали кровавые резиновые перчатки...

Ночь,
Когда матери плачут
В богадельнях
На жестких холодных кроватях,
Плачут, вспоминая,
Были ли у них дети? —
И не могут вспомнить,
И забыть не в силах!..

Эта ночь, о Господи Боже,
Повернула к рассвету,
Пошла на убыль...

.....

Господи! Помоги проснуться!..
Душит сон в недоброй колыбели,
Забери меня отсюда!..

Не со мной, не со мной все это было..
Я чиста, как в день, когда меня Ты создал...

Почему же он все снится и длится,
Не кончается этот сон безутешный?

Вместо жития

Памяти Т. С. Иваниловой

С лица она не казалась
На ангела похожей —
Простое русское лицо,
От старости все в морщинах.
И в травах она знала
Не слишком много толку,
Зверобойю заварит горсть —
Вот и вся наука.

Но как она их любила,
Как шептала:
Боже мой, Боже!
Сколько же их, сколько!.. —
И цветов, и трав,
И этих листьев бесконечных
В небогатых полях и лесах подмосковных.

В разных краях довелось ей скитаться
Вслед за мужем,
Потом — вслед за сыновьями.
Велика земля, где говорят по-русски,
А Господь Бог — один повсюду.

У Него речей и слов —
Что этих трав и листьев!

И она старалась повсюду
Различить, угадать Его голос.
Но когда ее бедный кораблик
Прибило к Москве огромной,
Стал он слышней и слышней —
И вот зазвучал неумолчно.

И она уходила в Москву,
И громадные улицы
Сами
Приводили ее в те места,
Где люди молятся Богу,

Стоя молятся,
Сидя,
Опустившись на колени,
На разных наречиях, в разные дни,
В одеждах разных.
Одни распахнули настежь
Большие дубовые двери,
Другие в подвалах таятся,
При звуке шагов трепещут.

И все знать не знают чужих,
И своим не очень-то верят —
Но она входила как воздух,
И все ее принимали.
И каждый считал своею,
А почему — сказать не сумел бы.
Разве только душа его знала об этом,
Да язык был давно не в ладах с душою.

Ах как рано зимой в Москве темнеет!
Ах как рано зажигают
Фонари и окна!
Эта долгая темень
Для сердца слаще меда,
Потому что под нею
Затаился свет несказанный.
В заскорузлой земле,
Под серым снегом,
Спят в беспмятстве
Золотые цветы и травы.
Божий голос, задохнувшийся в каждом сердце,
Оживает навстречу тому, кто умеет слышать.

В двух шагах от Москвы
Над оврагом стоял ее домик.
Было видно со станции всю ночь,
Как светит окошко.
И он все ветшал,
И тело ее вконец обветшало,
И она рассталась с ними без сожаленья.

Много лет прошло с тех пор,
Но когда в Москве и под Московю
Поднимаются травы —
Я знаю, она рядом.
А еще,
Когда приходит на сердце песня,
Что она мне пела однажды,
Проходя через поле на закате.

Эта песня о том,
Как Христос повстречал самарянку,
Принял от нее глоток воды студеной,
Отворил ей колодец с живой водою.

Ответ В. Д. Бонч-Бруевичу

на его вопрос к русским сектантам:
«В чем отличие вашей веры
от учения господствующей церкви,
а также от прочих направлений и сект?»»

Мы не из тех,
Кто, Библию читая,
Снимает с полки тяжкий фолиант,
Узорные застёжки размыкает
И в тишине,
С размеренным благоговеньем,
Путь долгий от стиха к стиху превозмогает.

Нет, мы не из тех,
Кто воду пьет коленопреклоненно,
Руками черпает за горстью горсть,
Чтоб жажду утолить.

Но мы —
Бросаясь ниц и распростершись на земле,
Лакаем Слово
из пылающей реки —

И небо распустилось, как знамена
Над храбрыми из храбрых Гедеона.
Веди, о Господи, свои полки!

Который
Покидала жизнь, любовь покидала.

Были комнаты сумраком жарким полны. —
Мне велели остаться снаружи,
И сквозь тонкие жерди,
Опутанные виноградом,
Я увидела:
Двигается дымное небо на запад,
В темно-красный провал
Между днем раскаленным
И душной, тяжелой ночью.

.....

Я была тогда очень мала,
Но уже не впервые
Изумленно пыталась понять,
Почему же я вижу
То, что скрылось из глаз,
Слышу то,
Что исчезло из слуха,
Почему этот день ненаглядный,
Уходя,
Остается со мною?
Почему никогда
Я забыть не сумею его?

.....

Что же было потом?
Оказалось, что в эту минуту
Своенравные духи —

Порожденья страдальца Мельмота¹ —
Отыскали наш маленький двор
На окраине Арменикенда
И предстали пред нами — зачем? —

Посмеяться над теми, кто здесь,
О себе,
О себе рассказать —
И учащем,
                  как милостыней,
  поживиться.

А напоследок
В хмурые лица
Брызнуть волшебным соком —
На то они и духи.
Их увидеть несложно,
Гораздо труднее — узнать.

Но как раз в этот вечер
В нашем тесном дворе,
Под кривою лозой виноградной
Стоял телевизор —
                  приманка и логово духов.

И если б не он —
Как бы в наших сердцах отозвалось
Эхо рыданий чужих,
Невесть где и когда
Сотрясавших своды
Редингской мрачной тюрьмы? —

Человек из Цзоу

Старый человек,
Начальник округа Цзоу,
Овдовел,
Остался один на свете.
Стала жизнь печальной-печальной.

И задумал он жениться вновь,
И соседей
Попросил отдать за него их дочку —
Как расцветшая яблонька молодую.

Смущены были родители невесты.
Не решились отказать ему сами,
Обратились они к старейшинам за советом.
Отвечали им старейшины царства Лу:
«Если старый возьмет молодую в жены,
Суждено непременно ей быть вдовою.
Округ Цзоу — ничтожный округ,
Тяжело придется вдове и сиротам.
И увидят светлые духи предков,
Что, безвинные, они страдают.
Ведь не царь он и не князь,
Человек из Цзоу!
Не по чину ему такая женитьба!»

Но прекрасная как яблонька девица
Так отцу и матери сказала:

«Если бы голодный
Просил у нас хлеба,
Если бы зимою
Остался он без одежды —
Каждый отломил бы
От куска своего половину,
Каждый своей одеждой
С ним бы поделился.

Но никто не может
Свою радость отдать другому,
Если душу и тело
И всей жизни отмеренный срок
Не разделит с ним безвозвратно.

Мы могли бы глаза зажмурить,
Когда он пойдет мимо нашего дома.
Мы могли бы заткнуть уши,
Когда станет он в наши ворота стучаться.
Но у сердца нет глаз и ушей —
Как закрыть их сумею?
И не знаю, есть ли граница у сердца —
Где же поставлю ворота?

Даже если он скроется под камнем могильным,
Не смогу я забыть о его страданье:
Буду слышать,
Как плачет его дух безутешный,
Что никто из живых его не любит,

Не поет ему поминальной молитвы,
Не готовит жертвенной пищи».

.....

Ах, кто же, кроме сына,
Дольше всех об отце будет помнить? —
И она родила ему сына,
Чтобы род его на земле продлился.
А потом
Она родила ему дочку —
И наполнились медом пересохшие соты,
И забыл он о своих печалях.
Так земля, покрываясь цветами,
Забывает о зиме ненастной.

.....

Но клонилось солнце на запад,
Покидало округ Цзоу,
Царство Лу
И весь Китай великий —
День окончен,
И темная ночь неизбежна.

Так и память о нас
И о тех,
Кто нас помнит,
Погружается в ночь,
Грозит исчезнуть во мраке.

Где же сердце,
Не знающее границы,

Что сумеет нас
Вместить навеки?

Кто научится помнить
И любить нас вечно,
Тот научит народ,
Как стать на земле бессмертным...

.....

...И тогда, на закате его жизни,
Родила она не простого,
Родила она дивного сына,
Нарекли ему люди
Имя —
Конфуций...

Мистер Фолуэлл в Нью-Йорке

Мистер Фолуэлл в Нью-Йорке
В небоскребе заседает,
Он орет по телефону,
Виски с содовой он пьет.
Он в резиновых подтяжках,
Денег у него миллионы!
Да, те самые миллионы,
При наличии которых —
Ходят слухи — невозможно
В Царство Божие попасть.

Мистер Фолуэлл, однако,
Убежден на сто процентов,
Что, летя по небоскребу
В быстром лифте вверх и вниз,
Проносясь в автомобиле
Сквозь амброзию бензина,
Выходя из самолета
И опять в него садясь —
Самой лучшей, самой четкой,
Самой истинной дорогой
В Божье Царство он идет.

Мистер Фолуэлл при этом
Не смущается нисколько,
Что вокруг его персоны

Суется incessанно
Легионы сатаны —
Ведь в любом из механизмов,
Что людей забрали в когти —
Обступили, облепили, —
Мириады бесенят
Дружной заняты работой,
Сил и пота не жалеют —
Все стараются уверить,
Что без них не обойтись.
А чуть только заподозрят,
Что слабеет их морока —
Из толпы чертей попроще
Выступает генерал,
Выпускает длинный коготь —
В микросхеме ковыряет.
Соблазняет чудесами,
Ублажает, увлекает —
Только нас не проведешь!

Мистер Фолуэлл однажды
Увидал иное чудо,
Увидал живое чудо —
Он в газетах прочитал,
Что исполнились Писанья,
Предсказания сбылись,
Что не раньше и не позже,
Ровно в срок Господь исполнил
То, что сделать обещался
Тыщи лет тому назад.

Тот, кто в сердце принял чудо, —
Тот с дороги не собьется.
Ведь не зря Господь всевидящ,
Оступится не дает!
Боже! Ты меня сподобил
Чудеса твои увидеть!
Боже, Боже! Как я счастлив!
Буду петь и восклицать!

Потому-то Желтый дьявол
(Деньги — это Желтый дьявол) —
Хоть бренчит в его кармане,
Но карман ему не тянет,
Ведь прекрасно знают оба,
Кто здесь раб, кто — господин!

Ну а с шушерой бесовской,
Пред которою на брюхе
Технократы-блюдолизы
Рады ползать день и ночь,
Он спокойно разобрался —
Раз пока вам срок не вышел
И пока земля вас носит, —
И пока Господь вас терпит,
На меня изволь работать, огнедышащая рать!

Боже! Ты меня сподобил
Чудеса твои увидеть!
Боже, Боже! Как я счастлив!
Буду петь и восклицать!

Тетраптих

Пророк Илья

Илья был человек как мы, —
Сказал апостол Иаков.
От этих слов захватывает дух,
И плоть от этих слов трепещет.

Илья был человек как мы —
До неба ростом,
Он небо от дождя замкнул
И молниям повелевал.

Когда жрецы Ваала избивали
Пророков Божьих в Самарии,
Он прятался в расселине скалы,
Но не пошел в Иерусалим —
Он не хотел,
Чтобы служители Господня Храма
Из зависти к пророческому дару
Его убили там.
Ведь он был человек,
Как мы —

Нагой,
Без хлеба и без крова,
От бегства непрерывного он задыхался,
И он пред Господом рыдал
И умолял

Вернуть вдове единственного сына —
И Бог его молитве внял. —

Недаром
То был Илья-пророк!
Его молитва отворяла небо,
Ему Господь Всевышний показал
Знамения и чудеса без счета.

И он увидел чудо милосердия Божия:

Когда кровавый царь Ахав,
Который сделал жизнь Ильи полыни горше,
Который убивал пророков —
Божьих сыновей, —
Так вот,
Когда он пал в раскаяньи на землю
И зарыдал —
Господь его простил.

«Сон в красном тереме»¹

Сколько ни живу я на свете —
Не перестаю удивляться
Всему тому,
Что довелось мне увидеть:

Видела я небо
В закипавших серых тучах,
Видела я небо
В неподвижных облаках,
                    разноцветных и белых,
Видела зимнее, ясное,
Без единого облачка небо —
В такое небо нельзя смотреть слишком долго,
А то душа может расстаться с телом.

Разве можно все небо запомнить?
Мы от слова рождены
И потому, наверное,
Любим больше всего запоминать слова.
А Конфуций сказал,
                                    что «нету слов у неба».

Неужели я смотрю на него для того,
Чтобы позабыть навсегда?
Эта мысль — как безутешная память
О горькой чужой жизни,
С которой не можешь расстаться.

Если тебя нет,
Почему твоя судьба владеет мною,
Обступает со всех сторон,
С каждым шагом отдается в сердце?..

О позволь мне, пусть я тобою стану —

Будет смотреть на тебя рдеющее небо,
Будут нищие к тебе протягивать руки,
Будет сердце твое вздрагивать от всхлипа
Проводов над загородным перроном.

Как иначе мне жить,
Если ты умер
В лютый холод,
Не дописав свою единственную книгу,
Схоронив единственного сына...

¹ «Сон в красном тереме» — китайский классический роман конца XVIII века. Его автор Цао Сюэ-цинъ умер в нищете, не завершив своего труда.

Россия

То не птица вопит
Над гнездом разоренным,
То не мать рыдает
Над единственным сыном —
Плачет перед свадьбой краса-невеста,
Плачет-бьется, отца-мать проклинает,
На Божий свет поглядеть не хочет.

Мы прошли по всей земле — по всем народам,
И у каждого народа мы спросили:
Так ли у вас празднуются свадьбы?
Так ли голосят ваши невесты?

Отвечали все народы и сказали:
Свадьба — радость. Грех рыдать на свадьбе.
А невесты наши если и поплачут,
То совсем немного, для виду.

И пришлось нам вернуться в Россию,
Чтобы слушать этот плач безутешный,
Потому что сказал еще Пушкин:
«Наши свадебные песни, что вой похоронный».

Что ж ты плачешь, русская невеста?
Плачешь так, что от слез твоих соленых
Вся земля вокруг тебя стала горькой.

Что ж ты плачешь, горькая Россия? —

У крыльца твоего с подарками сваты,
Твой широкий двор гостями полон,
У тебя столько жемчуга и злата,
Что и за сто лет не исчислишь.

Что ж ты плачешь — косы светлые терзаешь?
Что ты сердце нам терзаешь своим плачем?

— За другого отдают, за другого!
Нету горшей муки на земле
И нет на небе.
Милый мой желанный!
Не было нам встречи,
А разлука наша —
На вечные веки.
Как теперь посмею тебя дожидаться?
За другого отдали, за другого!

Оттого-то она стала жестокой,
Оттого-то себе не просит счастья,
Оттого она детей своих не любит,
Оттого пьет горькое зелье,
Оттого ей постыли ее богатства:
Сорвала с себя дорогие уборы —
По кровавой грязи покатился жемчуг.

На глаза надвинула платок истертый,
На плечах у нее — пальто чужое,

Днем она украдкой спит в электричках,
По ночам дрожит на перроне.

Люди добрые и люди злые!
Не пытайтесь ее утешить.
Слишком много ей для утешенья надо —
Чтобы небо и земля заново родились,
Чтобы ожили мертвые кости,
Чтобы в грязь растоптанный жемчуг
Ярче прежнего заиграл-засветился.

Если можешь — сотвори ей чудо.
А не можешь — пей и плачь вместе с нею!

Реджинальд Поль

Герцога Кларенса
Утопили в бочке с мальвазией —
Это знает каждый ребенок,
Ведь об этом написано во многих книгах.
И никто о нем не жалеет,
Потому что Кларенс предал своих братьев,
А они были ненамного лучше
И вот так с ним рассчитались.

У герцога Кларенса
Была умная дочка.
Так написано у самого Шекспира,
И у нас нет оснований ему не верить.
Злые родичи выдали ее замуж
За безродного худого дворянина,
В их семье,
Еще через поколение,
И родился Реджинальд Поль.

.....

Когда король объявил себя главой церкви,
Реджинальд не вступал с ним в споры —
Он покинул пределы Англии,
Он уехал в развратный Рим,
Как от мира удаляются в пустыню,
Он надел пурпурную мантию,
Как надевают грубую власяницу, —

И с тех пор стал называться
Кардинал Польш.

.....

А над кровавым и развратным Римом
Каждый день вставало и заходило солнце.
Каждую ночь над Римом
Возникали огромные звезды.

Тот,
Кто живет, устремив
К небу
Глаза и сердце,
Знает,
Что небо и солнце —
Это явленная ему милость.
Их красота сияет
Ради взоров его восхищенных —
Творит резец Микеланджело
Не для звериных глаз,
Не для ослепших сердец.

Те,
Что живут,
Устремив свои помыслы в небо,
Знают,
Что их упованьем
Рим стоит —
Иначе
Все совершенные в нем злодеянья
Черной тучей поднимутся к небу,

Солнце закроют —
И город,
Лишенный лучей животворных,
Обратится в груды камней.

Тот, кто однажды
Расширенным сердцем
Воспринял небесную милость,
Знает,
Что, как небо, она бесконечна.

И она неделима, как небо.
Так,
Если двое и трое сойдутся
В небо смотреть благодарным сияющим взглядом,
В каждое сердце вместится оно без остатка,
Милость небесная
Будет умножена вдвое и втрое.

Так собирались они
Посреди озверевшего Рима,
И небесная милость
Умножалась над городом крови
Ради них,
Ради тех, кто не поклонился Ваалу.

Называли они свои собрания
«Оратория Божественной любви».

Был среди них и кардинал Поль,
Высокоученый англичанин,

Добровольно покинувший тот самый остров,
Который его прадеды
Заливали кровью,
Дабы осуществить над ним свои законные права.

Реджинальд Поль не признает раскола церкви —
Небо над Англией и Римом едино,
Его не расколешь,
Сердце в груди кардинала Поля едино,
Оно Рим и Англию вмещает,
Вера христианская должна быть едина,
Потому что это вера в единого Бога.

Тот, кто в этой вере утвердился,
Встанет возле папского престола
И будет громко требовать пощады еретикам,
И его не отправят на костер
И не посмеют обвинить в ереси.

Тот, кто этой веры исполнен,
Входит в храм Христов,
Превращенный в капище Ваала,
И говорит в своем сердце:

— Боже,
Они Тебя предали,
Но ты остаешься верен
Той любви,
Что их воззвала из небытия
И зажгла над ними солнце и звезды.

.....

Хорошо учиться Божественной любви
У Микеланджело и Виттории Колонны,
Но они тебя покидают
Ради вечной жизни в бесконечном небе.
И тогда обращается твое сердце
Ко всем безрассудным и жестоким,
Что остались с тобой на земле,
Потому что вся земля лежит под небом
И о милости его умоляет.

.....

Вот таков был кардинал Поль, англичанин,
Жил он в шестнадцатом столетье,
В том самом,
Из которого отвечали пророку Исайе:
— Еще ночь, но скоро утро.

Может показаться, что все о нем позабыли,
Но подобная мысль —
Жестокое заблуждение.
Даже птичка ценою в полкопейки
Не забыта у Господа Бога.

Неужели забыт Реджинальд Поль!

Вот он стоит на палубе баржи,
Поднимающейся по Темзе,
И восклицает:
— Миритесь, братья!
У Вселенной одно сердце,
Это сердце бьется в каждой груди!

А они на берегу толпятся,
Смотрят на него с любопытством
И отвечают:
— Для того, чтоб ты это понял,
Вся твоя судьба совершалась.
Пусть же свершится наша,
Тогда и мы это поймем.

И идут навстречу своей судьбе.

Диккенс. Очерк творчества

Он знал две тайны:
Первая — о том,
Что Ангелы живут среди людей.
В одежде ходят тесной, некрасивой,
Болеют, умирают —
И опять
По лестнице Иакова восходят.
И он об этом не молчал — напротив!
Откройте сорок пятую главу
Прославленного «Пиквикского клуба» —
Там Сэм Уэллер ясно говорит:
«Я не слышал,
И в книжках не читал,
И на картинках никогда не видел,
Чтоб Ангелы носили башмаки,
А уж тем более — очки и гетры.
Но мой хозяин — чистокровный Ангел,
Ему подобного на свете нет».

Да, Ангелы подобны бриллиантам —
Калибром разные, а суть одна.

И чтоб никто не вздумал придираться,
Мол, нам необходим второй свидетель,
Как Моисеев требует закон,
То сказано в «Холодном доме» прямо,
Что был его загадочный владелец

На Ангела похож
И что его лицо
Светилось,
Словно Ангельские лики.

Итак, он говорил об этом вслух.
Но в грохоте житейском
Голос тайны
Рас слышать так же трудно,
Как в толпе
Измученного Ангела узнать,
Когда лицом к лицу столкнешься с ним.

Пускай ты Ангел —
Им не до тебя,
Когда они спешат, в горсти сжимая
Лоскут своей судьбы — свою обиду.

И это все, что удалось урвать
У времени из ненасытной пасти.
Тебе такого, Ангел, не понять.
Тобой иные правят страсти!

Иные — и в миллионы крат сильнее!
Ведь чтобы вашу злобу пересилить —
Какая сила жалости нужна!
Но есть другая —
Жалости превыше.

Она заставит Ангелов спуститься
На землю обреченных и немых,

Чтобы за вас за всех хотеть того,
О чем никто не помнит — не мечтает, —
Такая сила снова поднимает
До неба Ангелов и тех, кто любит их!

.....

Дымилась кровью улицы Парижа.
Толпа ревела. Осужденные на казнь
Дрожали у подножья гильотины.
А Сидней Картон говорил о том,
Что он владеет величайшей тайной,
Которую пророки Божьи знали,
И потому на смерть идет без страха.

О, эта тайна! Если б вы могли
Не то чтобы поверить, а расслышать —
Что Время, пожирающее вас,
Не вечно будет царствовать над вами,
Что есть ему начало и конец,
Что вы пребудете,
Когда оно исчезнет.
Тому, кто этой тайною владеет,
Она дороже воздуха и хлеба.

Об этом Ангел клялся Иоанну
В Апокалипсисе,
Об этом Диккенс
Писал в «Рождественских колоколах»
И в «Повести» про Лондон и Париж.

Но бой часов отяготил ваш слух.
И шелканье больших и малых стрелок...

.....

Он знал две тайны. Но еще одну
Пытался разгадать —
Горчайшую из тайн.
Она живет в часах, она в движенье
Приводит гири, побуждая их
Всегда стремиться вниз,
Чтоб их паденье
Вращало непрерывно колесо.
То сила зла —
Чем тяжелей оно,
Тем выше Ангелы взлетают!

Когда он был к ее разгадке близок,
Ему явился Ангел — но из тех,
Чьи крылья не скрываются одеждой,
А смело в небеса устремлены.
И он увел его с собой.

Каббалистические стихотворения

Поэт

(Н. А. Клюев)

— Господи! Изгладь мои грехи!
И давай про них забудем оба.
Слышишь, Господи? —
Всю ночь звучат стихи
Из трущобы мрачной, как из гроба.

Это он, жилец промозглых нар,
Те стихи бормочет-произносит.
А с утра он поплетется на базар,
Сядет — и на пропитанье просит.

Господи, как мало медяков!
Подают картошку и огрызки хлеба.
А в душе — такое сонмище стихов!
Вызволишь — они поднимутся до неба.

Птица-Сирин, вея с высоты,
Удивленно-ласково засвищет:
— Ах, какие вокруг тебя горят цветы,
Государь мой нищий!

И обронит благодатный пух,
Пахнувший цветеньем райской купы,
И отгонит кровожадных мух,
Что впились в незаживающие струпы.

И примолвит:
— Ах, твой грех, видать, жесток! —
Горестно заламывая крылья,
И помчится на Святой Восток,
Зарыдав от боли и бессилья.

А ему в милицию брести —
Отмечаться, что еще не умер,
Что не утопился по пути
Ссылный из Москвы, такой-то номер.

Вот, намаявшись, он, наконец, уснул,
В шапке-в валенках, на нищенский обычай.
И ему приснился царь Саул,
Изумленный собственным величием.

Он среди Израиля стоит,
На главу всего народа выше,
И звезда во лбу его горит,
И крыла незримые колышет

Тихий ветер.
Но прилетал иной,
Порожденный чернотой межзвездной,
И не стало крыльев за спиной,
И звезда-моя звезда! —
ты пала в бездну.

Памяти Рильке

Паула Беккер — как заря,
Что на вершинах Альп играет!
Но если Альпы этого не знают,
Выходит — солнце их ласкает зря.

И если нет любви
Меж небом и землей,
Так значит — нет нигде!
Готовьтесь — быть беде.
Паула Беккер смерть
Любви предпочитает.

О красота ее застывших рук,
Другую красоту рождавших прежде!
О гипсовые вежды!
А взор отныне обращен туда,
Где о любви и *память неуместна*,
Где убегает от звезды звезда
И где на звуки наших лучших песен
Никто не хочет отозваться,
И Эвридика хочет там остаться.

Но ты же сам решил, поэт,
Что лица Ангелов бесстрастны,
Когда под ними звезды гаснут,
И гаснут красные огни
В твоей крови.

Меняя цвет,
Она с подземною рекою
О чем-то шепчется.
Под эти звуки
Невыносимые стихают муки.

.....

На небо нет путей,
Ведет дорога вниз,
И ты по ней уходишь без возврата,
Поэт.
А я тебе кричу:
— Вернись!
Мы были братьями когда-то.

Нас каббалисты учат, что земля —
Есть область чувств, а чувства — форма боли.
И избежать ее никак нельзя
Нам, грешникам, а уж святым — тем боле.

Написано издревле на роду,
Что будешь ты изранена-избита —
И в темноте, по вздыбленному льду
Свой путь земной проходит Суламита.

Но тайна тайн горит в ее очах,
И плавит лед, и темноту пронзает.
Безумная мечта — сильнее, чем страх,
А сердце знает то, что разум не вмещает,

И верует, как веровало встарь,
Что невозможное должно свершиться.
Ты помнишь? — Мать с отцом хотели
сжечь Фамарь,
Но Бог простер крыла над голубицей!

С небес отверстых, в озаренной мгле
Твое, Твое лицо сияло, Боже,
И тот, пред кем она рыдала на земле,
Казался на Тебя похожим.

Отрывок

Мне сон приснился,
Даже так, не сон —
Дремотное видение под утро.
Какой-то вход в московское метро
Со стороны альпийского курорта.

Привычная картина:
В два ряда
Стоят усталые старухи
И несколько небритых мужиков.
А перед ними
На ящиках картонных
Или просто на земле,
А у иных в протянутых ладонях
Товар нехитрый:
Вобла, банки с пивом
И сигареты целых трех сортов.

Темнеет,
Но народ идет вовсю,
И фонари горят вдоль всей дороги,
Она другим концом уходит прямо в лес —
Его смолистый животворный запах
Меня во сне пьянит и удивляет.

А ближе к лесу,
На брезгливом расстоянье

От тех, что с воблюю и с пивом,
Сидит на кочке Томас Манн,
Перед которым
На чистом носовом платке
Лежит его душа.
И точно так же,
Как прочие торгующие,
Он
Смирненно ждет,
Что кто-нибудь из проходящих
Ее купить захочет.

Но надежды — никакой.
И вообще идет торговля плохо —
То ли место здесь такое? —
Впрочем, воблу с пивом
Хотя и неохотно, но берут.

Вот так он и сидит.

А я вишу
В кирпичной комнатке над утренней Москвою
И не могу проснуться — оттого ли,
Что мне понравилось в лесу?
Или меня смущает
Картина эта странная?
Она смутит кого угодно —
Старик застылый,
А у ног его
Младенец мертвый.

Но ведь всем известно,
Что умереть *совсем* душа не может!
Так почему же так упорно он
Избавиться желает от нее,
Готов *за так* отдать кому угодно?

И сквозь сон,
Сквозь ветви
Я начинаю понимать,
Как он
Сюда попал,
Что с ним на самом деле
Произошло —

С ним дьявол отшутил
Такую злую шутку, до которой
Додуматься один лишь дьявол мог.

А дело было так:
Он душу продал.
И купчую скрепили,
И сполна
Он всё, что причиталось, получил,
А дьявол брать ее не захотел —
Что хочешь, то и делай.
Ужас просто.

Так что ж он, вечно будет так сидеть?
А мне что делать?
Я хочу проснуться!
Не нужен мне альпийский этот воздух.

И просыпаюсь...

...Люди друг про друга
Умеют забывать,
И это страшный грех.
Не просто грех,
А дьявольские чары,
Проникшие в сознание,
Чтобы к смерти
Вернее приучить.
Забвение — осуществленье смерти.

И то, что при таком раскладе называют жизнью, —
Только увертюра
К той смерти:
Сумма подлежащего забвенью.
Такая жизнь
Альтернативой смерти быть не может.
Они друг друга стоят.
Хорошо бы их обеих
На кое-что получше обменять!

Ты видишь, Томас Манн,
Ведь все, кто клялся
Тебе в любви,
Кто в прибылях участвовал твоих,
Не помнят о тебе.
Они свои убытки
Теперь считают —
Но куда же всё девалось? —
И ты не помнишь, мертвый, ни о ком.

Но один раз в жизни,
Было дело,
Ты вспомнил ненароком обо мне
И получил неслыханный процент.

Уж такова моя натура —
Тому, кто обо мне однажды вспомнил,
Я трижды и четырежды воздам.

Рассуждение о «Манон Леско»

— Это, конечно, не исторические события, — сказала Дай-юй, — но о них говорится в романах и пьесах, и все о них знают.

«Сон в красном тереме», гл. LI

...Разве жажда моя утолится
Этой малою каплей росы?

Но она все равно проступает
Сквозь кровавый атлас лепестка...
И невидимая рука
Эту старую повесть листает.

О, какие ничтожные страсти!
Кавалер в потаскушку влюбился
Так, что просто рассудка лишился.
Да возможно ли это рассудком назвать?
Все-то их представленье о счастье —
Пожирнее поесть, да попить, да поспать.

Жизнь во тьме.
Только сполохи ада
В пляске факелов,
В треске свечей над игорным столом.
А душа, словно бабочка, рада —

Наплясаться в ночи вокруг огня,
Надышаться дурманного чада —
И навеки во мрак.
И не надо ей лучшей награды.

Только, силы небесные,
Что же такое творится!
Кавалер,
Этот карточный шулер,
Бездельник и мот,
Без оглядки на каторгу
Вслед за беспутной девицей
Через весь океан
На разбитой галере плывет.

Да откуда взялась в тебе сила такая?
(Но ведь черным по белому,
Это ж не зренья обман!)
Кавалер де Грие!
Ты у нас не герой, не святой,
Не Катрин Трубецкая!
Каково ж тебе плыть
Через весь океан!

И, выходит, нисколько не нужен
Ему этот Париж,
Мельгешащий Содом.
Он совсем как тот парень,
Что ради жемчужины
Продал тачку, участок и дом.

Но при чем же здесь девка бесстыжая —
Только знает глазами моргать! —
Та жемчужина — истина высшая,
Для нее-то живем мы,
Только ею и дышим,
Жаль, что нечего нам продавать!

У живущих по высшим законам
Очень часто с финансами туго —
Мы не делим харчи с Вавилоном,
Мы взаимно презрели друг друга.

Был сапожником некогда Бёме,
Жизнь он прожил сравнительно мирно.
Но в двадцатом столетье-дурдоме
Все схватили гигантские фирмы.
И в тисках обувной индустрии
Вольным пташкам приходится круто.

Как мы жили в советской России,
Сторожа академинституты!

Трое суток, как ветер, кружиться,
Разглагольствовать о нирване.
На четвертые — развалиться
В проходной на протертом диване

(Съездив к ангелам в гости без визы,
Дабы скрасить свой скромный досуг)
И с блаженной улыбкою, снизу,
Созерцать докторов лженаук.

Крепкий чай из стаканов граненых,
Черный хлеб, увлажненный горчицей, —
Это трапеза посвященных,
И не каждый ее причастится.

Вот заветнейший миг наступает —
Как морозная ночь хороша! —
Други-ангелы снег отряхают,
И горит, не сгорая, душа!

В небе яблонькой райской заря расцветает...
Ну а где-то,
В глуши непроглядных времен,
Кавалер де Грие
Безутешно рыдает
Над своей дорогою Манон.

И холодное тело хранит очертанья
Той души, напоенной огнем,
Чья цена равнозначна цене мироздания,
И которой,
Как нас уверяют преданья,
Обладать можно только вдвоем.

.....
.....

Но когда же такое случалось,
Где отыщешь, в анналах каких,
Чтоб позорная жизнь увенчалась
Смертью чистой, как ризы святых?

Де Грие и Манон!
Вы должны нам ответить.
Разрешите сомненья, что мучают нас:
Неужели возможен
Между жизнью и смертью
Вопиющий такой диссонанс?

— Между ними такое бывает,
Что смутится рассудок иной:
Леденцовой сосулькою тает,
Восковую свечой оплывает
И единственной жизнью себя почитает
Смертный сон в колыбели земной.

Прожигатели жизни про это
Догадались при самом рожденье
И не станут свои же мученья
Продлевать хитроумной диетой.

Наши радости — с привкусом яда,
В нашей дерзости — горечь бессилья.
За собою не помним вины,
И не надо
Ждать, чтоб мы у кого-то
Снисхожденья просили.

Так созвездья за нас рассудили,
Под которыми мы рождены,
И скопление звездной пыли
Излучает чадающие сны.

Если кто ненароком проснется,
Все равно соскользает на заданный путь.
И единственный шанс остается —
Выше этих созвездий рвануть!

Чтобы в нас не успели вцепиться
Разъяренные Гончие Псы!

Разве жажда моя утолится
Этой малою каплей росы...

Небо-небо! О как же ты страстно
Любишь нас,
Наши речки-пруды!
Как твои отраженья прекрасны
В зеркалах этой кроткой воды!

А потом, с наступлением ночи,
На тебя бы глядеть да глядеть,
Целовать твои звездные очи
И бессмертной надеждой владеть.

Фьоравенти — Фьораванти!
Видишь — ангелы парят?
Фьоравенти — Фьораванти!
Звоны дивные звенят.

Поднимайся, собирайся, —
Начертал великий Бог
Итальянцу Фьораванти
Путь на северо-восток.

Через доли — через горы
Многотрудный путь лежит, —
Там, в груди глухого бора
Несказанный город спит.

Одному тебе под силу
Чудный колокол отлить,
Что сумеет звонким звоном
Этот город пробудить.

Он проснется, он воспрянет,
Он раздвинет темный лес.
Жадным взором он заглянет
В очи синие небес.

Дивный град, краса Вселенной,
Страх завистливых врагов.

Собеседник дерзновенный
Белопенных облаков.

Хлынет солнце спозаранку
В русла улиц-площадей —
Это ангелов стоянка,
Пристань белых лебедей.

¹ Зодчий Аристотель Фьораванти (в ряде источников называемый Фьоравенти) был также основателем литейного дела на Руси.

III. Сказка

о Медведе,
о прекрасной Принцессе,
о мудром Вороне
и о железных башмаках

Часть первая

Сцена 1

Лесная поляна, на ней — раскидистый дуб. Входят Король, I Министр, II Министр и свита.

Король

Итак, господа, нам суждено погибнуть! Но что нам мешает отдохнуть напоследок? Садитесь! И пусть каждый располагается поудобней. *(Садится первым, за ним — все остальные.)*

I Министр

А ведь я с самого начала был против этой экспедиции! Сами посудите: с одной стороны — лютый дракон, который беспрепятственно сожрал половину королевства, а с другой стороны — наша армия, которая понятия не имеет, как воевать с подобным противником. Могло ли из этого выйти что-нибудь, кроме поражения?

Король

И все же, мы поступили совершенно правильно. Таков был наш долг перед оставшейся половиной отечества!

II Министр

Зато уж теперь никаких долгов с нас не взыщешь. Да и взыскивать

будет некому. Ведь дракон этот, надо полагать, на нас не остановится. — Всем, всем теперь крышка!

Король

Да, это очень прискорбная мысль, и тем не менее она содержит в себе некий утешительный элемент.

Вбегает Слуга.

Слуга

Ваше величество! За мной гонится страшный медведь! Я едва вырвался из его лап!

Король

Нет, я просто прихожу в отчаянье! Ведь мы уже настроились на то, что нас сожрет дракон! Сейчас совершенно некстати какие-то непредвиденные обстоятельства!

I Министр

У нас есть только один выход — самим пойти навстречу дракону! С какой стати мы должны достаться никому не известному медведю?

Все встают и собираются идти. Входит Медведь.

Медведь

Остановитесь! Вы направляетесь прямо в пасть дракона!

Король

Не беспокойся, ты сам рано или поздно попадешь туда же!

Медведь

Я собираюсь сразиться с драконом и победить!

I Министр

Какая чушь! Мы выходили на дракона с целой армией — тебе известно, что это такое?

Медведь

Мне известно, что надо делать, для того чтобы избавиться от дракона.

I Министр

Да он наглец! Он воображает, что у него получится то, что не получилось у нас!

II Министр

А кто ему, собственно, мешает? Пускай себе идет и сражается! А мы тут отдохнем, как мы и собирались.

Король

Это неглупо! (*Медведю.*) Надеюсь, тебе ничего от нас не требуется?

Медведь

У вас есть огнестрельное оружие. Кто-нибудь может захотеть выстрелить мне в спину. Постарайтесь от этого воздержаться. Так вы можете потерять последний шанс на избавление.

II Министр

А вы намерены нас отпустить, господин Медведь?

Медведь

Да! (*Уходит.*)

Король

Вот что! Я хочу иметь точное представление о ходе сражения! Помогите мне взобраться на это дерево! (*Его подсаживают на дерево.*)

Слуга

Ну что, ваше величество? Видно что-нибудь?

Король (с дерева)

Ах, какой ужас! Немедленно помогите мне спуститься! (*Его спускают.*) Невыносимое зрелище! Мы даже не имели представления о том, насколько страшен этот дракон!

Слуга

А ведь сражение еще не кончилось!

Король

Это дело нескольких минут. — Удивительно наглый медведь! Ведь он даже по внешним параметрам уступает дракону в несколько десятков раз.

I Министр

Мелкий авантюрист!

Слуга

Нет, была не была, а я должен поглядеть, что там происходит! (*Лезет на дерево.*) Он падает! Вы слышите, дракон падает! Упал! Победа! Победа! Медведь победил!

Свита (*палит в воздух*)

Ура! Ура!

I Министр

Немедленно прекратите пальбу! Вы с ума сошли! Нам надо беречь заряды!

Слуга

Но ведь медведь победил, ваше превосходительство!

I Министр

Вот именно! И теперь он спокойненько примется за нас!

Король

По-моему, это ложные опасения. Он показался мне весьма почтительным животным.

I Министр

Он просто хотел обезопасить свой тыл. А теперь он поймает нас на нашей благодарности!

Король

Надо принять соответствующие меры! Мы с вами, господа министры, встанем так, как будто мы приготовились торжественно его встречать. — А вы все держите ружья наготове! Если он сделает хоть одно неверное движение — палите в него изо всех сил!

II Министр

А перед нами надо поставить кого-нибудь из слуг. Так будет еще торжественнее.

Они выстраиваются в боевом порядке, обратившись в ту сторону, куда ушел Медведь.

Медведь появляется за их спинами с другой стороны.

Медведь (*рявкает*)

Вы свободны!

Все роняют ружья и поворачиваются к Медведю.

Хором

Примите наши искренние поздравления, господин Медведь!

Король (*выходя вперед*)

Любезный Медведь! Вы совершили выдающийся поступок, который без всякого преувеличения делает честь всему медвежачьему... всему вашему племени, любезный Медведь! От своего лица, а также от имени всех присутствующих я хочу выразить вам глубокую признательность, и, поверьте, не только словесно. Но поскольку деньги здесь в лесу хождения не имеют, я думаю, для вас было бы вполне естественно принять нашу благодарность, так сказать, натурой.

Медведь

Я согласен! Вы отдадите мне первого, кто выйдет вам навстречу из городских ворот. Больше я ничего не прошу.

Все облегченно вздыхают.

Король

Я должен признать это требование справедливым и весьма умеренным.

I Министр

Простите, господин Медведь, когда и в какое место прикажете до-
ставить этого первого?

Медведь

В нужное время я сам приду за ним. А пока — прощайте! (*Уходит.*)

Все хором

До свидания! До свидания, господин Медведь!

II Министр

Я все еще не приду в себя! Как это надо понимать?

Король

А так, что близость очагов цивилизации положительно влияет на
низшие формы жизни.

II Министр

Нет, но ведь подумать страшно! Он же любого мог преспокойно со-
жрать!

Король

Вероятно, инстинкт подсказал ему, что перед ним не кто-нибудь! Не
заниматься же ему людоедством на наших глазах!

II Министр

Интересно, кто сегодня сторожит городские ворота?

I Министр

Или Карл, или Генрих! Кто еще там может быть?

Король

Лучше бы это оказался Карл! Он такой большой и толстый. Жаль его, конечно, за столько лет службы его не в чем упрекнуть! Но Медведь заслужил своё.

Они идут по дороге. Вдали появляются городские стены.

Слуга

Смотрите, смотрите! Кто-то вышел из города и бежит нам навстречу!

I Министр (всматриваясь)

Ваше величество, это вовсе не стражник! Вот те раз, да это же ваша младшая дочь!

Вбегает Принцесса.

Принцесса (бросаясь на шею Королю)

Отец! Отец! Вы живы! Вы вернулись! — я знала, что вы вернетесь, я каждый день ходила вас встречать. (Ко всем.) Вы представляете, ведь вас уже никто не ждет! Все давно уже потеряли всякую надежду! Одна только я все время верила, что вы победите! Я ни на минуту не переставала верить!

Король (в отчаянье)

Дочь моя! Дочь моя! Лучше бы и ты была, как все. Лучше бы ты ни во что не верила! Горе мне! Как я теперь буду жить?!

Принцесса (растерянно)

Мы все теперь будем счастливо жить, отец! Ведь мы избавились от самого страшного зла!

I Министр

Ах, принцесса, мы, кажется, попали в такие лапы, что вырваться из них будет труднее, чем из драконовых когтей!

Слуга

Не слушайте их, добрая принцесса! Они сами не знают, что говорят! Они никак в себя не придут — им кажется, что они все еще на поле боя. Идемте же скорее в город! Мы сейчас всем расскажем, как мы славно сражались!

Сцена 2

Во дворце. Две старшие дочери короля сидят за столом, заваленным бумагами. В руках у первой — огромный циркуль, у второй — такой же транспортир. Вбегает служанка.

Служанка

Ваши высочества! Король вернулся!

I сестра (*бросая циркуль*)

Ну и хорошо! А то у меня от этого дележа просто голова распухла!

II сестра (*задумчиво вертит транспортир*)

Я только-только научилась пользоваться этой штукой.

Служанка

А ваша младшая сестрица и тут успела! Она самая первая его встретила и уж наверное на всех наябедничала!

I сестра

Бездельница! Она только от своего безделья целыми днями разгуливала у городских ворот!

II сестра

Хотела показать, какая она преданная дочь!

Служанка

Вот король это и увидел!

I сестра

Ну всё! Теперь ей достанется самое большое приданое, а значит, и самый лучший жених!

II сестра

Лучше бы он не возвращался! (*Обе плачут.*)

Входят Король и свита.

Сестры (*наперебой*)

Ах, ваше величество, как же мы рады, что вы вернулись! Как нас тут все обижали!

Король

Ничего, милые дочери. Я здесь! Я никого из вас не дам в обиду.

I Министр

И для того, чтобы все это усвоили как можно лучше, мы прежде всего отпразднуем нашу победу! — Палить из всех пушек!

Сцена 3

Во дворце. Король, I Министр, II Министр.

I Министр

Ваше величество, наша задача состоит в том, чтобы выбить из-под Медведя юридическую почву. — Он принудил нас заключить с ним некоторое соглашение и на его основе собирается строить свои притязания. Если же мы выдаем принцессу замуж в другое королевство, то она оказывается вне нашей юрисдикции и все его претензии, так сказать, повисают в воздухе.

II Министр

Ваше величество, главное достоинство этого плана состоит в том, что ничего лучшего придумать невозможно!

Король

У меня есть только одно возражение. Речь идет о самой младшей дочери. Если выдать ее замуж в обход старших, это может быть неверно истолковано.

II Министр

А что нам мешает сыграть сразу три свадьбы?

I Министр

Напротив, это можно отнести за счет похвальной экономии, заботы о народном благе.

Король (обрадованно)

Переходим к рассмотрению кандидатур!

I Министр

Прошу вас, ваше величество! Вот — гордость моей картотеки, король науки! В его государстве настолько высок уровень научных знаний, что даже должность дворника нередко оспаривают обладатели нескольких ученых степеней.

Король

Ах, вот похвальный опыт, который не мешает перенять! Кто следующий?

I Министр

Король искусства! В его государстве такую честь воздают художественному творчеству, что всё, что выходит из-под пера или кисти даже трехлетних детей, немедленно публикуется и помещается в музеи!

Король

Жаль, что такой уровень пока еще нам недоступен!

II Министр (рассматривая портреты)

А мне что-то эти женихи кажутся уж слишком хлипкими. Боюсь, что Медведь любого из них прихлопнет одной лапой.

I Министр

Медведю предназначается жених совсем другого рода. Это, конечно, куда более скромная фигура, ничем не прославленная на интеллектуальном поприще, но зато у него образцовая армия и сам он красавец хоть куда!

Король

Решено! — Младшую принцессу немедленно сюда! А вы начинайте готовиться к свадьбам! Установите у ворот пушки — приветствовать гостей! (*Понижая голос.*) И Медведя, если он не вовремя явится.

Министры уходят. Входит Принцесса.

Король

Дитя мое! Высокое положение, в которое мы возведены самой судьбой, обязывает нас рассматривать интересы всего общества как свои личные интересы. Развертывая этот силлогизм, мы приходим к выводу, что наши личные интересы и есть интересы общественные. По сему не позднее завтрашнего дня тебе предстоит выйти замуж. Вот портрет жениха и анкетные данные!

Принцесса

Ваше величество, это невозможно!

Король

То есть как?

Принцесса

Подумайте о моих сестрах! Ведь если я выйду замуж на одну минуту раньше них, они нас с вами сожрут живьем!

Король

Неужели ты думаешь, что мы этого не предусмотрели? — Вот женихи твоих сестер!

Принцесса

Нет, нет, ваше величество! Вы предлагаете мне писаного красавца, а эти ни в какое сравнение с ним не идут!

Король

Дочь моя, все учтено и сбалансировано! Один из этих королей — выдающийся ученый, другой преуспел во всех видах искусства. Я хорошо знаю своих старших дочерей. Не бойся, твой жених будет выглядеть в их глазах полным ничтожеством!

Принцесса

И все же я боюсь! Посмотрите, какие они тщедушные и слабенькие, эти короли. Ведь если сестры узнают, что вы сначала показали их мне, они непременно заподозрят какой-нибудь обман, они житья не дадут своим мужьям! — Нет, пусть выбирают они, — я возьму, что останется! Обещаю вам, ваше величество, какой бы муж мне ни достался, я ни за что не стану его обижать!

Король

Да времени у нас нет на эти!..

Вбегают стражи.

I страж

Ваше величество! Там у ворот стоит огромный медведь, и мы его так поняли, что он намерен съесть вашу младшую дочь!

Принцесса громко вскрикивает и прячется за спиной Короля.

II страж

Мы бы его слушать не стали, но у него получается, что он с вами уже обо всем договорился!

Принцесса снова вскрикивает.
Входят оба министра и свита.

I Министр

Ваше величество, мы были заняты приготовлениями к свадьбе, а он тут как тут! Но пушки уже на месте! Прикажете палить?

Принцесса (выходя вперед)

А нет ли здесь какой-нибудь ошибки? С какой стати ему вздумалось меня съесть? Я и в лесу-то никогда не была! Чем я могла его обидеть?

II Министр

Да нет же, это он во всем виноват! Он победил дракона и потребовал с нас в уплату первого, кто выйдет из городских ворот! Мы были уверены, что это окажется стражник!

Слуга

Давайте предложим ему кого-нибудь взамен! По-моему, он непричудливый! Ведь не съел же он никого из нас. А мы, что ни говори, в долгу перед ним!

Король

Скажи ему, что мы согласны на любую замену! И вообще нам не до него, мы готовимся к свадьбам! Надо же войти в положение!

Принцесса

А нельзя ли совсем никого не есть? — Ведь если он победил дракона, значит, он спас нас всех! Неужели он не сжалится еще над одним? Я сама сейчас попробую его уговорить!

Король

Я запрещаю тебе выходить отсюда! Что ты смыслишь в таких вещах?

Возвращается Слуга.

Слуга

Не извольте беспокоиться, ваше величество, Медведь никого есть не собирается.

I Министр

Так что же ему надо, черт побори?

Слуга (смущенно)

Не знаю даже, как сказать!..

Король (милостиво)

Говори, не бойся!

Слуга

Он говорит, что раз вы дочерей своих выдаете замуж, а младшая, в некотором смысле, обещана ему, — то он вот ничего против не имеет и прибыл, так сказать, на собственную свадьбу.

I и II Министры

Какая наглость! Потрясающая наглость! — Мы ответим ему головами наших пушек!

Принцесса

Неужели вы станете стрелять в того, кто спас вам жизнь? — Вы же сами согласились на его условия!

Король

Дитя мое, я вынужден с тобой согласиться. Нам не к лицу проявлять неблагодарность. Мы не станем убивать этого Медведя, мы просто поставим его на место — прогоним обратно в лес.

Принцесса (в сторону)

Мне кажется, в лесу очень плохо. Там темно, там словом не с кем перемолвиться. Наверное, поэтому он просится к нам. — А если его прогнать, он так там навсегда и останется!

Слуга

Ваше величество, я человек маленький, но вот что я вам скажу. С этим Медведем лучше не шутить, он умеет добиваться своего, мы все это видели! С такими, как он, лучше всего идти на мировую. — Ведь он до сих не съел никого из нас только потому, что сам не захотел!

Король (патетически)

Что же, я должен своими руками выдать родную дочь за чудовище?!

Принцесса

У нас же нет другого выхода, отец. Зато теперь никому никого не придется убивать.

Король (*отводя в сторону I Министра*)

Имейте в виду: мы празднуем свадьбы наших старших дочерей. Что касается младшей, то она опасно заболела.

I Министр

Ваше величество, я еще не теряю надежды избавиться от Медведя!

Король

Вот тогда она выздоровеет!

Сцена 4

Дворцовый сад. I сестра, II сестра.

I сестра

Тебе хорошо известно, сестрица, что любой болван и невежда может с легкостью рассуждать о произведениях искусства. А у науки есть такие отрасли, о существовании которых даже не подозревают представители других отраслей. Разве это не доказательство явного преимущества науки перед искусством?

II сестра

Я могу предъявить тебе, сестрица, сборник высказываний об искусстве самых выдающихся деятелей науки. Все они утверждают, что ровным счетом ничего в искусстве не смыслят!

Входит Служанка.

I сестра

Ну, что нового в мире животных?

Служанка (*кланяясь*)

Всё то же самое, ваши величества! Медведь каждое утро исчезает из города, а ваша сестрица целыми днями бродит одна. — Никто не

знает, как с ней разговаривать, и все делают вид, что просто ее не замечают.

I сестра

Так ей и надо! Пусть знает, как быть самой красивой!

II сестра

Не была она никогда красивой! Не была! Это ей только так казалось!

Служанка

А его величество ваш батюшка приказал на всякий случай отпускать Медведю целые горы еды. Видно, всё еще боится, что тот проголодается и слопают ненароком его любимицу.

I сестра

Ха-ха-ха! Вот была бы картина! Вот только есть там нечего — кожа да кости!

II сестра

Нет, не надо ее есть. Пусть живет и мучается!

Служанка

А вот и она сама!

Входит Принцесса. Служанка выходит.

Сестры (хором)

Здравствуй, бедняжка!

I сестра

Ах, какая ты стала бледная и худая!

II сестра

Ах, как это тяжело — оказаться исключенным из человеческого общества!

Принцесса

Я, право же, не виновата в этом, сестрицы! Я люблю всех, как раньше, но они сами сторонятся меня! — Я всё надеюсь, что когда-нибудь это пройдет!

II сестра

Напрасно надеешься! Это так же невозможно, как перешагнуть пропасть, отделяющую человека от животного!

I сестра (II сестре)

Ах, сестрица, давай хоть чем-нибудь ей поможем, ведь мы же родные! (*Принцессе.*) Знаешь что, приходи сегодня ко мне в гости! Мой муж собирается сделать доклад о гносеологических аспектах индукции в моделировании мыслительных операций. Ты хоть немного развеешься!

II сестра

А после ты можешь прийти ко мне. Мой муж только что завершил картину, на которой никто из непосвященных вообще не может ничего разобрать. И сегодня он собирается объяснить этим непосвященным, что они должны испытывать, глядя на нее!

Принцесса

Спасибо, сестрицы, спасибо вам за вашу доброту! Я обязательно приду к вам!

II сестра

И Медведя своего приводи с собой! Если, конечно, ему не стыдно показываться людям на глаза!

Принцесса

Стыдно? Моему Медведю? Да если бы не он, все эти люди, о которых вы говорите, пошли бы на обед дракону! Быстро же они об этом забыли! — Ну ничего! Я приду к вам! А пока — прощайте! (*Уходит.*)

I сестра

Ишь ты какая! Вышла замуж за Медведя, да еще гордится этим! — Победитель дракона!

II сестра

Ну, мы еще посмотрим, кто тут выйдет победителем! Мы так быстро не сдадимся! — А вот, кстати, и отцовский министр.

Входит I Министр.

I Министр

Приветствую вас, коронованные музы!

II сестра

Здравствуйте, господин министр! Ну, как вам дышится в медвежьих лапах?

I Министр

Ха-ха-ха! Какая изящная шутка!

II сестра

О, вы смеетесь! Вы хотите скрыть за этим смехом горечь вашего поражения!

I Министр (*оскорбленно*)

Простите — когда и кто?..

I сестра

Когда, господин министр? — Ежеминутно! И меня просто удивляет, что вы еще спрашиваете — кто?

II сестра

Уж не хотите ли вы сказать, что это вы победили дракона?

I сестра

А тот, кто отнял у вас эту честь, — что он сделал потом? Прикинулся, что дарит вам жизнь — как подаяние нищему, а сам без единого выстрела пробрался в город!

II сестра

Прямо во дворец!

I сестра

А что он дальше сделает? Да еще заручившись поддержкой своей Принцессы, а также всех конюхов и прочей швали?

II сестра

Пойдем, сестра! Сюда идет отец, пусть он этого не слышит, мы должны шадить его! (*Министру.*) Прощайте! (*Уходят.*)

Входят Король и свита.

I Министр (*бросаясь к Королю*)

Ваше величество! Ваше величество! Раскрыт ужасный заговор!

Король (*хватаясь за сердце*)

Ах, вы меня пугаете!

I Министр

Мы сделали чудовищную ошибку, впустив сюда этого Медведя!

II Министр

А, снова Медведь! Я давно уже его подозреваю!

Король

Господа! Меня крайне раздражает всеобщая неустойчивость в медвежьем вопросе! — То мне кричат, что я должен опасаться Медведя, то, наоборот, что я должен быть благодарен ему до конца своих дней! — Извольте выработать единую точку зрения, чтоб было на чем стоять!

I Министр

Прежде всего, ваше величество, за что вы должны быть ему благодарны? За то, что он победил дракона? Но разве он сделал это ради вас?

II Министр

Сам хотел стать хозяином леса!

I Министр

Диким зверям свойственно пожирать друг друга. И это хорошо! Пусть бы они все друг друга сожрали! Но не втирались в общество людей! — Где он пропадает целыми днями? Высматривает наши слабые места?

II Министр

Мы должны его перехитрить!

I Министр

Несомненно! Мы обладаем интеллектом как раз для того, чтобы хитростью побеждать тех, кого мы не можем одолеть силой!

Слуга

Но ведь король выдал за него свою любимую дочь!

I Министр

Ваше величество, не слушайте этого мужлана! Он каждый раз вступает за Медведя только потому, что недалеко ушел от него в интеллектуальном развитии!

II Министр

Да у его величества еще целых две дочери!

I Министр

А если Медведь вторгнется в *их* королевства? В эти области высочайшего интеллекта?

II Министр

Да у нас тогда от науки-искусства пустое место останется!

Король

Не бывать этому! Мы будем стойко стоять на страже наших лучших завоеваний! — Немедленно приступайте к ликвидации Медведя!

I Министр

Лучше всего зарубить его сегодня ночью!

Король

Но ведь при этом будет моя дочь! Я не знаю, как она отреагирует! Она слишком буквально понимает те прописные истины, которые ей внушали в детстве. — Распорядитесь подсыпать им обоим сонный порошок! Так будет гуманней и по отношению к Медведю.

Уходят все, кроме Слуги.

Слуга

Эх, как бы мне узнать, что означает слово «интеллект»? Наверное, это такая штука, с помощью которой перестают понимать, где зло, а где добро. — Вот счастье, что я им не обзавелся! (*Громко кричит.*) Принцесса! Принцесса! Принцесса!

Вбегает Принцесса.

Принцесса (*испуганно*)

Ты звал меня? Что случилось? Чем я могу тебе помочь?

Слуга

Добрая моя Принцесса, только вы и можете тут помочь! Идемте, я всё вам сейчас расскажу!

Уходят.

Сцена 5

Спальня Принцессы. Медведь сидит возле горящего очага. Принцесса смотрит в окно.

Принцесса (*вздрагивая*)

Вот они идут! Я вижу, как блестят их мечи! — Беги отсюда! Спрячься в лесу!

Медведь

Я нисколько их не боюсь. Я сильнее их всех.

Принцесса

Ты хочешь их убить? Ох, как мне страшно!

Медведь

Нет, я не стану их убивать. Им от этого не будет никакого толку.

Принцесса

Давай убежим вместе! Зачем нам здесь оставаться? Ведь здесь страшнее, чем в лесу!

Медведь

Срок моей жизни в лесу кончился. И мне придется жить здесь, как бы это ни было трудно.

Дверь с грохотом открывается. Входят I и II Министры с обнаженными мечами, за ними — свита. Медведь отступает в глубь комнаты. Принцесса выходит вперед.

I Министр

Ваше высочество!.. Мы никак не ожидали!.. Но это приказ короля!

Принцесса

Приказ короля? Ну что ж, убивайте меня!

II Министр (нерешительно)

А может, и впрямь?..

Медведь (выходя вперед)

Ну, как будете со мной сражаться? По одному или все сразу?

Все пялятся.

I Министр (падая на колени)

Господин Медведь!.. Вы нас неправильно поняли!.. Не убивайте нас, господин Медведь!

Медведь

Убирайтесь отсюда и постарайтесь по дороге не умереть со страху. Вы еще пригодитесь самим себе!

Посетители уходят. Медведь снова садится у очага.

Принцесса (*подходя к нему*)

Ты знаешь, мне так тебя жалко за то, что ты — медведь. Но я все равно люблю тебя больше всех на свете!

Медведь поднимается во весь рост, сбрасывает с себя медвежью шкуру и предстает в человеческом облике.

Принцесса

Так вот ты какой на самом деле! — Мне кажется, я всегда это знала! Как я счастлива! Мне не хватит всей жизни, чтобы насмотреться на тебя!

Медведь

С первым лучом рассвета я должен снова превратиться в медведя.

Принцесса

Ах нет, нет! Не делай этого! Зачем тебе это страшное обличье? Тебя все ненавидят из-за него!

Медведь

Если они увидят меня в моем настоящем облике, они возненавидят меня еще сильнее, не сомневайся, Принцесса.

Принцесса

Как же нам быть, если кругом — одни враги?

Медведь

Нам остается только одно — побеждать!

Принцесса

Но хоть когда-нибудь я смогу увидеть тебя таким, как сейчас?

Медведь

Когда наступит время, я навсегда приму свой настоящий облик. И тогда за мной придет летучий корабль и увезет нас обоих в мою родную страну.

Медведь ложится на кровать и засыпает. Принцесса беспокойно расхаживает по комнате.

Принцесса (*подходя к окну*)

Темным-темно, но все равно рассветет. (*Бросается к Медведю.*) Я буду смотреть на него, ведь у меня так мало времени! Ах, неужели завтра он опять превратится в медведя, и они снова будут смеяться и оскорблять его! — (*Властно.*) Не бывать этому! Я не допущу такой несправедливости! Здесь всё в моих руках!

Принцесса хватает медвежью шкуру и бросает ее в огонь.

Принцесса (*обращаясь к спящему Медведю*)

Мне будет легче вынести твой гнев, чем видеть, как другие обижают тебя!

Медведь (*проснувшись*)

Что ты сделала, безумная женщина?

Принцесса

Прости меня, я, наверное, нарушила твои планы. Но ты ведь такой умный, ты придумаешь что-нибудь еще. — А я не смогла удержаться! Я сделала это ради того, чтобы видеть тебя!

Медведь

Как только начнет рассветать, мы перестанем видеть друг друга.

Принцесса

Нет, нет! Только не это! Пускай все будет как раньше! Прими любой образ! — Я вытерплю все, что угодно, лишь бы ты был со мной!

Медведь (*медленно*)

Ты не сможешь увидеть меня до тех пор, пока ты не истопчешь семь пар железных башмаков!

Принцесса

Я согласна! Я согласна на что угодно! Только бы знать, что я тебя найду!

Медведь

Если ты сможешь это сделать, тогда мы встретимся вновь и больше уже никогда не расстанемся.

Медведь исчезает. Принцесса остается одна.

Сцена 6

Лесная полянка. Доносится громкий стук. Вбегает Ворон.

Ворон

Безобразия! Вопиющее безобразие! Никакой возможности сосредоточиться! (*Прислушивается к стуку.*) Так и есть! Идет сюда. Что же мне делать? Разве это условия для напряженной умственной работы?

Входит Принцесса и в изнеможении опускается на землю.

Ворон (*облегченно вздыхая*)

Ну, так, кажется, ничего.

Принцесса рыдает.

Ворон

Какой, однако, упорный источник шума! (*Подходит к Принцессе, рассматривает ее со всех сторон, стучит клювом по железным башмакам, затем обращается к ней.*) Послушай, тебе очень-очень повезло! — Ты встретила с талантливейшим представителем мудрейшей породы птиц. Я сейчас приведу тебя в полный порядок. —

У тебя все ноги в крови, оттого ты и плачешь. Тебе надо немедленно снять эти ужасные башмаки! И шуму от тебя будет меньше, и ноги болеть не будут!

Принцесса (*сквозь слезы*)

Нет-нет! Я не сниму их ни за что на свете! Они должны разбиться у меня на ногах! Иначе я никогда не найду моего возлюбленного!

Ворон

А в какой стороне ты намерена его искать?

Принцесса

О, если б я это знала! Если бы я знала!

Ворон

Нет, ты, пожалуйста, определи, в каком направлении ты собираешься шуметь. Потому что я буду вынужден отправиться в прямо противоположное!

Принцесса

Что ж, выбирай себе любую сторону! А я тебе обещаю, что пойду в другую.

Ворон

Вот это верно, вот это правильно! У тебя явно имеются начатки разума. Тем более ты должна стараться никогда не мешать тем, кто свой разум совершенствует! — Прощай! (*Идет прочь.*)

Принцесса развязывает узелок и начинает есть. Ворон останавливается, принюхиваясь.

Ворон

Что это ты собираешься делать? Ой, как пахнет! Ой, дай мне тоже! Это что-то очень вкусненькое! (*Принцесса не обращает на него никакого внимания.*) Ты что — не слышишь? Неужели тебе неизвестно, что с голодным надо поделиться?

Принцесса

Я думаю, что ворону достаточно еды в лесу.

Ворон

Ну да! Откуда же здесь возьмется такой вкусненький, такой душистый хлебушек? — Ой-ой! Умираю! (*Ложится на землю, задрав лапы кверху.*) Умираю от болезни! От страшной болезни, которую может вылечить только кусочек вкусного хлеба!

Принцесса (*бросая ему свой хлеб*)

На, возьми! Пусть лучше я умру от голода! Мне все равно не вынести такой жизни!

Ворон (*уплетая хлеб*)

Ой, как вкусно! Вкусно до полной невозможности! — Ну вот, теперь я буду тебе благодарен всю свою жизнь!

Принцесса

Самой большой благодарности хватает разве что на комариный век. А вороны для этого слишком долго живут.

Ворон

Ты, наверное, думаешь, что я вру? — Это совершенно исключено! Врать крайне вредно! — Для того, кто врет! — Ну как же ты смо-

жешь докопаться до истины, если ты сам — источник лжи? В результате весь процесс твоего мышления идет коту под хвост. — Нет, вранье очень опасная вещь, даже для такого выдающегося таланта, как у меня.

Принцесса

Раз уж ты такой умный, может быть, ты знаешь, сколько времени надо проходить, чтобы износились семь пар вот таких железных башмаков?

Ворон

Для этого надо износить всего одну пару, а затем затраченное время помножить на семь. Результат будет тот же, а ходить и шуметь придется в семь раз меньше.

Принцесса

Ничего ты не понимаешь! Я сама, сама должна их все истоптать! *(Топает изо всех сил.)*

Ворон *(закрывая уши крыльями)*

Ты что это делаешь! Сейчас же прекрати! Уж не хочешь ли ты обмануть время?

Принцесса

Да хочу! Хочу обмануть и открыто признаюсь в этом!

Ворон

Зря стараешься! Этого никогда никому не удавалось! — Время можно победить только самым честным образом. — Мне это известно от одной очень авторитетной птицы.

Принцесса

Как же это сделать? Научи меня! — Вот, у меня еще остались хлебные крошки!

Ворон

Научи! Мне, может, самому еще рано знать такие вещи! — Вот пройду полный курс, тогда, пожалуйста, — обращай ко мне с любым вопросом!

Принцесса (*грустно*)

Когда же это будет?

Ворон

Ну, при моих способностях лет на сто раньше, чем у любого среднего ворона! Тебе очень повезло, что ты со мной познакомилась! Давай сюда свои крошки!

Принцесса

На, возьми! А я опять пойду!

Ворон

Подожди немножко, ведь ты еле ноги передвигаешь.

Принцесса

Я знаю, что каждый мой шаг приближает меня к моему возлюбленному, и как бы мне ни было больно, это легче, чем стоять на месте!

Ворон

Я буду очень-очень стараться! Я стану самым мудрым вороном на свете! Мы с тобой вместе разделаемся с этими башмаками!

Сцена 7

Разбойничий притон в лесу. Двенадцать разбойников и хозяйка притона заняты приготовлением ужина.

Хозяйка

Прошу всех к столу!

Главный разбойник (*откупоривая бутылку*)

А ну-ка посмотрим, чем нас сегодня порадовали идейные враги! (*Нюхает.*) Да, это вино! Такого я уже много лет не пил!

II разбойник

Зато *они* пьют такое каждый день! И еще лучше!

Хозяйка

Ничтожества! Ведь это все, на что они способны, — пить да жрать! Остается только пожалеть их за это!

III разбойник

Еще чего! С какой стати мы их будем жалеть?

IV разбойник

Мы можем их только презирать!

Главный

Несомненно! Мы избрали этот благородный образ жизни не из любви к грабежу, а именно для того, чтобы полнее выразить свое презрение к *ним* и к ложным ценностям, которым они служат.

II разбойник (вскакивая)

Вот я сейчас покажу, как я их презираю! Где сундук с награбленным? Я его в щепки разнесу! Мне не жалко!! Я не из корысти!!!

Хозяйка (ловко хватая его за руку)

Блестящая мысль! Но сейчас — время отдыха, время обеда. — Не надо этим пренебрегать, особенно после такого напряженного дня.

III разбойник

Эх, а вот мне никогда не лень! Хоть днем, хоть ночью! Дайте только сделать им какую-нибудь пакость!

IV разбойник

А мне и делать ничего не надо! Только вспомню, как я *их* ненавижу, так сразу веселее делается!

Главный

Так выпьем же за них! Выпьем за наших врагов, которые дают пищу и нашему телу, и нашим чувствам!

Разбойники

Чтоб им всем сгореть! Чтоб им всем провалиться!

За окном раздается громкий стук.

II разбойник

Облава! Нас застучали!

Раздается жалобный стук в дверь.

Хозяйка

Спокойно, мальчики! (*Идет к дверям.*)

Разбойники сидят, не шевелясь. Возвращается Хозяйка, ведя за собой Принцессу.

Хозяйка

Ничего страшного! Это всего лишь жалкая нищенка!

Принцесса

Подайте на пропитание!..

Главный

Проходи, жалкая нищенка! Садись за наш стол! Мы выше тех условностей, которые царят в мире алчности и злобы!

Принцесса идет к столу, гремя башмаками.

Главный

Какой ужасный стук! Зачем ты носишь железные башмаки?

Принцесса (смущенно)

Да так... По обету!..

Главный

Ах по обету! Ну ничего! — Мы снисходительны к безобидным пред-
рассудкам.

Хозяйка (*ставя перед ней полную тарелку*)

На, ешь! Тебе, небось, нечасто приходилось встречать подобную
щедрость!

Принцесса

Благодарю вас! Наверное, здесь слишком много для меня.

II разбойник

Нет, ты должна все это съесть! И все выпить! Ты не смеешь отказы-
ваться от нашего угощения!

Принцесса

Ну, чтобы вас не обидеть! (*Начинает есть.*)

Главный (*подливая ей вино*)

Пей, не стесняйся! Жестокий мир отказал тебе во всем, а мы вот
сами добровольно и с презрением отказались от этого жестокого
мира! — Чувствуй себя свободно! Можешь снять свои башмаки. Не
бойся, об этом никто не узнает. Мы никому не скажем.

Принцесса (*бормочет*)

Нет, я их не сниму. Мне ведь их сносить надо. Сносить во что бы то
ни стало! А сниму — только время зря потеряю!

Главный

Боюсь, что у тебя ничего не получится. Твои башмаки — завидной
прочности!

Принцесса (*громко*)

Не получится? У меня? — Да я три пары таких башмаков истоптала, и эти истопчутся! И тогда мне останется всего три. И их я тоже истопчу! — Я буду ходить и ходить до тех пор, пока они все до конца не изотрутся!

III разбойник

Что она болтает? Не надо было давать ей столько вина!

II разбойник

Зато какая красивая стала!

Главный

Может быть, ты сообщишь нам, какова цель твоего не совсем обычного путешествия?

Принцесса (*залпом допивает вино и ставит стакан*)

Когда я истопчу семь пар железных башмаков, я снова встречу своего возлюбленного и больше уже никогда с ним не расстанусь!

Главный

Это интересно, это интересно. — А не слишком ли дорогую цену ты за него платишь?

Принцесса

Нет такой цены, которая для него слишком высока!

Разбойники (*наперебой*)

Чем же это он так хорош? — Да, пускай она скажет!

Принцесса

Он самый смелый, самый сильный, самый великодушный! А как он красив — это знаю только я одна! И я увижу его опять! И ради этого мне ничего не жалко!..

Главный

А не слишком ли много ты на себя берешь?

Хозяйка

Вы собираетесь оспаривать этот сумасшедший бред? — Гнать ее отсюда, вот и весь разговор!

Главный

Нет-нет! Женская мягкость неуместна в данном случае! Здесь вопрос принципиальный! (*К Принцессе.*) Значит, получается, что он у тебя лучше всех на свете. Уж не хочешь ли ты сказать, что ты и сама лучше нас — ты, рваная нищая дрянь!

Принцесса (*испуганно*)

Я ничем не хотела вас обидеть! Вам это показалось! — Я так вам благодарна, я выразить этого не могу! Если бы не вы, я бы умерла с голоду! А мне невыносима мысль о смерти! Ведь если я умру — как же я смогу сносить все эти железные башмаки?

III разбойник

Смотрите, как она упорно стоит на своем!

Хозяйка

Потому что это бред. Навязчивая идея.

Принцесса

Я думаю, мне лучше всего уйти!..

Главный

Нет, это не так-то просто! — Мы отвергли законы, царящие в мире презренных стяжателей, но у нас есть свои собственные правила. Твой образ мыслей, независимо от того, на чем он основан, — для нас оскорбителен. Не думаешь ли ты, что мы так вот легко позволим себя оскорблять?

Разбойники

Мы не позволим! Мы тебе не позволим!

Главный

Свяжите ее! (*Принцессу связывают.*) Ты останешься здесь до утра. Мы даем тебе время разобраться в своих ошибках! Если ты изъявишь готовность отказаться от своего воображаемого идеала — хорошо, изволь подтвердить это на деле! Выбери вместо него любого из нас, и тогда этот вопрос будет исчерпан раз и навсегда! — А в противном случае нам придется тебя казнить.

Да, мы поставили своей целью бороться с ложными ценностями. А ты своим поведением бросаешь нам вызов! Да и не только нам!

Принцесса без чувств падает на пол. Главный разбойник гордо удаляется, за ним — все остальные.

Затем Хозяйка, одна, возвращается на цыпочках.

Хозяйка

Эй ты! (*Принцесса не отвечает.*) И не думает просыпаться! Неплохо устроилась. И как ловко все проделала! — Пришла за подаванием, а

теперь станет над всем хозяйкой. — Эй, проснись! — Нет, незачем ее будить. Она ни под каким видом не уберется отсюда. Это ясно! — Есть только один способ от нее избавиться! (*Хватает нож со стола.*) Но куда же ударить? Бить надо наверняка. Если она подымет крик — я пропала!

С наружной стороны дома появляется Ворон.

Ворон (*хлопая крыльями, как в ладоши*)

Да, талант, помноженный на образование, — это что-нибудь да значит! На таком расстоянии унюхать запах вкусенького! Так безошибочно определить маршрут! (*Залезает на подоконник.*) Если окажется, что пирог с капустой!.. Ой-ой-ой! Что это? Мою Принцессу хотят зарезать!

Ворон разбивает стекло. Хозяйка роняет нож.

Ворон (*появляясь в окне*)

Дура! Сволочь! Идиотка!

Принцесса со стоном пробуждается. Хозяйка подхватывает нож и отскакивает, пряча его за спиной.

Принцесса (*приподнимаясь*)

Подойди ко мне! Не бойся, я не сделаю тебе никакого зла!

Хозяйка (*становится в оборонительную позицию*)

А я тебя вовсе не боюсь!

Принцесса

Тогда разрежь эти веревки и выпусти меня отсюда!

Хозяйка

Ты что, в самом деле не хочешь здесь остаться?

Принцесса

Я хочу найти своего возлюбленного! Для этого мне надо... ведь я уже говорила вам.

Хозяйка (*разрезая веревки*)

Иди! Только знай, что ты его никогда не найдешь! Его не существует вовсе. Это плод твоей большой фантазии!

Принцесса

Я много раз это слышала. Но все, кто так говорит, заблуждаются, и ты тоже. — Когда я его найду, вы это поймете.

Принцесса выходит из дома. Ворон бросается ей на шею.

Ворон

Дорогая моя! Как я рад, как я счастлив! Я летел на запах пирога, и он меня не обманул!

Принцесса (*рыдая*)

Ах, уйдем отсюда! Скорее уйдем!

Ворон

Но это пирог с капустой?

Принцесса

Да, с капустой!

Ворон

Пусть останется им! Раз они сами такие дрянные, пусть у них будет хоть что-то хорошее!

Сцена 8

Улица на окраине города. Несколько детей играют на мостовой. Слышится стук железных башмаков.

I ребенок

Принцесса идет!

II ребенок

Ну, мы ей сейчас устроим королевскую встречу!

Входит Принцесса — седая, сгорбленная старуха.

Дети (*хором*)

Раз! Два! Три! (*Кидают в нее камешки и поют.*)

Принцесса, принцесса!

Прекрасная принцесса!

Принцесса (*защищая руками лицо*)

Пустите меня, дети! Мне надо идти!

Дети (*наперебой*)

Она торопится к своему жениху! — Вот он обрадуется, когда ее уви-

дит! — Он умрет от страха! — А вдруг он и сам такой же страшный? — С длинной бородой и с клюкой!

Принцесса

Ох, как же мне быть! Пустите меня!

Дети (водят вокруг нее хоровод)

Принцесса, принцесса!

Прекрасная принцесса!

На крыльцо ближайшего дома выходит **Женщина**.

Женщина

Вот я вас сейчас отделаю, изверги! Кто вас только на свет родил!

Дети разбегаются.

Принцесса опускается на ступеньки крыльца. Появляются II и III женщины.

II женщина (грозно, первой)

Ты своих детей учи, понятно! А ей пусть будет наукой! Нечего ей здесь шляться! Да еще в таком виде! Да еще башмаками своими греметь!

I женщина

Да разве же она виновата, что она такая? Она ведь слабоумная!

III женщина

И куда только смотрят городские власти! Разве можно, чтоб такие по улицам расхаживали? Их под замком держать надо!

II женщина

Убивать их надо!

I женщина

Ну, ты уж скажешь — убивать!

II женщина

А что же как не убивать? Ты на нее посмотри — ну какая от нее польза?

Принцесса (*поднимаясь*)

Нет, нет! Не надо убивать меня! Мне ведь только эту пару доносить! И тогда — всё! Пустите меня! (*Уходит, гремя башмаками.*)

Принцесса, еле передвигая ноги, выходит на опушку леса.

Принцесса

Вот еще один шаг! Нужно сделать еще один шаг!

Ноги ее не слушаются, она опускается на придорожный камень. Входит Ворон.

Ворон (*озираясь*)

Как же быть? И башмаков не слышно, и ее нигде не видеть! (*К Принцессе.*) Послушайте, здесь не проходила?.. (*Смотрит на ее ноги.*) Ой, вот они эти башмаки! — А я тебя не сразу узнал!

Принцесса

Да, меня, наверное, трудно узнать.

Ворон

Ты знаешь, так ты мне даже больше нравишься. Особенно твои волосы. Я хотя сам черный, но считаю, что белый цвет гораздо красивее. (*Гладит ее крылом во голове.*) А я спешил к тебе с радостной вестью! — Я произвел все необходимые расчеты и вычислил, что именно сегодня должны развалиться твои последние башмаки!

Принцесса

Но ведь для этого нужно сделать хотя бы еще один шаг.

Ворон

Так сделай же его, сделай! Я прошу тебя!

Принцесса

Я сама себя прошу об этом, но у меня ничего не получается.

Ворон (*заламывая крылья*)

Ах, как мне горько это сознавать! Как мне горько, что я не могу тебе помочь! Во всем виновато время! Это его работа! — Ты-то уже состарилась, а я все еще слишком молод, я все еще учусь. А ведь я сделал такие успехи! Меня ценят, со мной считаются! У меня такие знакомства! — Подожди! В этом лесу у меня есть знакомая волшебница. — Я пойду за ней! Я буду ее умолять! (*Улетает.*)

Принцесса

Вот, я зову тебя в последний раз! Приди ко мне, освободи меня от этой муки — от страха, что я все равно тебя не найду! Он был сильнее, чем голод, чем стужа, чем раны на моем теле! Он отнял все мои силы, он не дает мне приблизиться к тебе сейчас! — Неужели всю эту жизнь я скиталась понапрасну? — Нет, нет! Мечтать о тебе было слаще, чем владеть всем остальным миром! (*Принцесса встает.*)

Появляется Ворон, ведя за собой прекрасную Волшебницу.

Ворон

Вот, взгляните на нее, многоуважаемая Волшебница! Если вы не сумеете ей помочь, у меня произойдет разрыв сердца, и тогда все мое образование пропадет зря!

Принцесса делает шаг им навстречу. Башмаки разваливаются. Она делает еще один шаг и падает к ногам Волшебницы.

Волшебница (*склоняясь к Принцессе*)

Бедная, как же ты устала! Сейчас ты уснешь, а проснувшись, ты уже не вспомнишь о своих бедах!

Темнеет. Это означает, что наступила ночь.

Светлеет. Это означает, что наступило утро.

Та же лесная опушка, но не видно ни Ворона, ни Волшебницы, ни Принцессы.

Входит Крестьянин с большим лукошком и с палкой в руках.

Крестьянин (*раздвигая палкой траву*)

Жена! Дети! Скорее идите сюда! (*Входят Крестьянка и несколько детей.*) Смотрите, лесные феи положили младенца на нашем пути!

Дети (*наперебой*)

Какая красивая девочка! Она похожа на эльфа!

Крестьянка

Ее нельзя здесь оставлять!

Дети

Давайте возьмем ее себе! Не будем никому отдавать!

Крестьянка

Тогда скорее несите ее домой! (*Уходят.*)

Часть вторая

Сцена 1

Домик на окраине города. Принцесса (такая же, как в самом начале) сидит на крыльце и вышивает ковер. Входит Мать.

Мать

Ох, как я умаялась на этом рынке! И ведь почти-то ничего не выручила!

Принцесса

Ах, матушка, чем тебе стоять на рынке — давай лучше продадим этот ковер! Посмотри, какой он получился. Хотя в королевском дворце вешай!

Мать

Опять королевский дворец! Много ты их видела, как же! — А ковер и в самом деле красивый. Может быть, наш бургомистр захочет его купить, он любит всякие диковинки. Сегодня на рынке только об этом и говорили. Он себе выписал невесту откуда ученого чародея, а уж тот такие штуки откалывает! Столы и стулья плясать заставляет, а каменный лев у входа в Ратушу как его увидел, так хвостом ему и помахал!

Принцесса

Ой, матушка, я хочу на него посмотреть! Вот сию минуту кончу ковер и понесу его господину бургомистру!

Мать

Уже помчалась! (*В сторону.*) Да, так оно и есть, напоили ее феи каким-то зельем, когда родилась. (*Принцессе.*) Ну пришло бы в голову кому-нибудь из твоих братьев-сестер гоняться за тем, что не имеет к ним ну ни малейшего отношения? — Да ладно уж, иди! Ведь все равно нам тебя не удержать!

Сцена 2

У входа в Ратушу. Привратник и Принцесса.

Привратник (*рассматривая ковер*)

Вот это красота так красота! (*Смерив Принцессу взглядом с головы до ног.*) Да неужели ты сама это вышивала?

Принцесса

Да нет, это не я. Это моя матушка.

Привратник

Ну, я тебе скажу, твоя матушка — мастерица из мастериц! Только господин бургомистр сейчас занят. Он изучает мага-чародея. А когда это кончится — никому неизвестно.

Принцесса

Ах, сударь, если бы мне хоть одним глазом посмотреть на эти чудеса! А ковер я оставлю вам в залог.

Привратник

Думаешь, мне самому туда не хочется? Ладно, была не была, пойдем

вместе! А то сегодня побоишься, а завтра тебе никаких чудес и не покажут! (*Входят в Ратушу.*)

Зал. Бургомистр и его помощники сидят полукругом. В центре — Волшебник. Принцесса и Привратник становятся за спинами слуг, которые толпятся у дверей.

Бургомистр (*Волшебнику*)

Видите ли, мой друг, вас обвиняют — нет, я бы все-таки сказал — укоряют в том, что ваши достижения в некотором смысле явление бесполезное. — Мне бы очень хотелось услышать, как вы блестяще опровергнете эти укоризны!

Волшебник

Прошу прощения, а что это такое — бесполезное? Оно хорошее или плохое?

Бургомистр

В том-то и дело, что оно не плохое и не хорошее. Оно никакое.

Волшебник

Тогда его вовсе не существует! На свете не может быть такой вещи, которая не состояла бы из плохого или из хорошего. Или из того и другого понемножку.

I чиновник

Пусть тогда он расскажет, что хорошего в его фокусах! А то мы что-то не разобрались.

Волшебник

Об этом надо спросить у тех людей, которым я демонстрировал свое мастерство. Они смеялись, хлопали в ладоши и кричали «Ур-ра!». Значит, все они порадовались. А разве это не хорошо?

II чиновник

А сам он порадовался больше всех! Еще бы! Получил за один день месячное жалованье!

Волшебник

Вы совершенно напрасно обвиняете меня в корыстолюбии! — При моих способностях я мог бы без всякого труда получать все, что мне нужно, задаром. Но я этого не делаю. Потому что я не хочу огорчать тех людей, которые производят и продают необходимые мне продукты. *(Вынимает из кармана большую конфету, разворачивает ее и начинает есть.)*

Бургомистр

И всё же, знаете, для поддержания вашей репутации было бы очень кстати, если бы вы порадовали нас чем-нибудь сугубо полезным. — Например, взяли бы какой-нибудь пустячок и превратили его... Ну, в пару новеньких сапог.

Волшебник

Ни за что! Я не стану участвовать в таком постыдном деле!

Бургомистр

Простите, но что может быть постыдного в паре сапог?

Волшебник

Это будут не сапоги, а самозванцы! Настоящие сапоги может сделать

только сапожник, который любит их делать! — А вы хотите лишить его такого удовольствия и меня еще на это подбиваете.

Бургомистр

Ах, не волнуйтесь, вы не так меня поняли! — Просто ваши глубокоуважаемые оппоненты — люди государственные, и наибольшее удовольствие им доставляют такие вещи, которым можно найти широкое практическое применение.

Волшебник (*лезет в свой мешок*)

А, так бы сразу и сказали! — Вот прибор, который должен больше всего порадовать государственных служащих!

Бургомистр

Простите, но, по-моему, это палка.

Волшебник

Это не палка. Это засохшая ветка. — Если ее возьмет в руки такой государственный служащий, чьи знания и заслуги соответствуют занимаемой им должности, то все вы увидите замечательную картину — ветка зазеленеет и расцветет. — Если же он занимает свою должность незаслуженно, то она так и останется в прежнем плачевном состоянии.

Чиновники (*наперебой*)

Мы протестуем! — Такого нет ни в одном уставе! — Ветка отравлена! — Он подослан врагами!

Привратник (*проталкивается вперед*)

Господин бургомистр! Дайте мне попробовать! Ведь, в конце концов,

и я на государственной службе! — Если окажется, что я ее плохо несу — не беда! Привратнику легче исправиться, чем министру!

Волшебник протягивает ему ветку. Тот берет ее в руку, но ничего не происходит.

Чиновники (*наперебой*)

Ну что, видели? — Да этот парень безупречный работник! — У него ума палата! — Таких еще поискать надо!

Волшебник

Вот и мне так кажется. Ведь мой прибор не может ошибиться! — Господин бургомистр, этот человек явно не соответствует занимаемой им должности! Судя по тому, что о нем говорят, его необходимо повесить!

Бургомистр отводит Волшебника в сторону и говорит свистящим шепотом.

Бургомистр

Но как же это сделать? Ведь нужны какие-то основания! — Я и сам знаю, что он умнейший парень! Но ведь даже в привратники его взяли только потому, что его родная тетка всю жизнь моет полы здесь в Ратуше!

Привратник (*подходит к ним*)

Господин бургомистр! А что, если мы испробуем этот прибор на моей тетке? — Раз она получает казенное жалованье, значит, тоже государственная служащая! — Тетка Матильда, чего ты там прячешься? — Иди сюда!

Тут не будет никакой ошибки, я ручаюсь, — она не умеет ни читать ни писать, зато полы моет, как никто на свете!

Матильда выходит вперед.

Матильда (*смущенно*)

Только вы уж меня извините, если что не так! (*Берет ветку.*)

Ветка распускается. Всеобщее изумление.

I чиновник отводит в сторону II чиновника.

I чиновник

По-моему, больше ждать нечего. Наш бургомистр полностью показал, на что он способен.

II чиновник

Он забывает, что на него есть управа!

I чиновник

Я вас понял! (*Уходит.*)

Волшебник (*громко*)

Ну что, понравилось? Тогда подходите по очереди! Я таких веточек сколько угодно наделаю!

II чиновник (*очень спокойно*)

Господин бургомистр, мы не желаем участвовать в этом безответственном балагане. — Пусть нам объяснят принцип действия этого прибора, пусть представят чертежи механизма!

Волшебник (*в ужасе машет руками*)

Я не занимаюсь изготовлением механизмов! Это очень опасное занятие — для того, кто их изготавливает! — Стоит только начать, а там и не заметишь, как сам превратишься в механизм. А тогда уже всё — прощай всякое развитие!

Бургомистр

О, я понимаю, механика для вас уже пройденный этап! Перед нами новое, сверхсложное явление.

Волшебник

Это с какой стороны посмотреть — может, и сверхсложное, а может, и совсем простое. Ведь мои приборы сами по себе ничего не могут. Все зависит от человека, который приложит руку к этому делу. Вот если у него найдутся необходимые качества, тогда они непременно окажут на прибор животворное воздействие.

Возвращается I чиновник.

I чиновник

Господин бургомистр! Я пришел сообщить вам, что пока вы здесь развлекаетесь и оплачиваете свои развлечения из общественных фондов, к стенам города подошли вражеские войска! Поскольку у нас нет ни оружия, ни боеприпасов, то всем нам остается на выбор — либо достойная смерть, либо позорная капитуляция!

Бургомистр

Как же быть? Мы все время наслаждались миром, мы совершенно забыли, что бывает как-то по-другому! (*Хватает Волшебника за халат.*) Господин ученый, вся наша надежда на вас! Придумайте

что-нибудь оборонительное или наступательное! Иначе мы все погибнем!

Волшебник (*роясь в мешке*)

Сейчас найду что-нибудь подходящее. — Вот! (*Достает меч, кладет его на землю.*) — Меч! По-моему, он годится!

Бургомистр

Но... всего один меч?

Волшебник

Ничего, хватит! — Пускай теперь самый сильный человек в этом городе поднимет его, а уж тогда он сам понесется на ваших врагов, а враги побегут от него в разные стороны.

Все присутствующие толпятся вокруг меча.

Бургомистр

Давайте-давайте! Только по одному, не все сразу!

Чиновники (*у которых ничего не получается*)

Мы люди умственного труда! Надо послать в город за кузнецами!

Бургомистр

Времени у нас нет! (*Бросается к привратнику.*) А ты-то что? Тебя сегодня так хвалили! Ведь я же знаю, ты подковы руками гнешь! А меч ведь такой маленький!

Привратник

Так он же волшебный, господин бургомистр! Может, здесь совсем другая сила нужна!

Гонец *(вбегая)*

Вражеские солдаты ставят лестницы и собираются влезать на стены.

I чиновник *(скрестив руки на груди)*

Да, ничего не скажешь — доигрались!

Все *(вразнобой)*

Мы погибли! — Надо сдаваться! — Во всем виноват бургомистр! — Повесить его!

Принцесса *(выбегая вперед)*

Да подождите же! Ведь у нас есть волшебный меч! *(Поднимает меч, он улетает.)*

Часть присутствующих с криками «Смотрите! Смотрите!» бежит следом.

Бургомистр

Кто ты такая, девочка? Откуда ты взялась?

Принцесса

Я дочь огородника. Правда, однажды мне сказала соседка, что я в своей семье не родная, а меня подбросили феи. Но моя матушка очень рассердилась и сказала, что все это вранье.

Волшебник *(всматриваясь в нее)*

Послушайте, а вам никогда не приходилось делать специальные упражнения для развития силы? Например, ходить в железных башмаках?

Принцесса (*отвечает после долгой паузы, словно очнувшись от глубокого сна*)

Да я целую жизнь проходила в железных башмаках. Я семь пар железных башмаков истоптала.

Волшебник, всплеснув руками, убегает. Никто не обращает на него внимания.

Бургомистр (*принцессе*)

А чего ради тебе понадобилось ходить в железных башмаках?

Принцесса (*всё еще как во сне*)

Чего ради? — Ради любви. Ради чего еще стоит хоть что-нибудь делать! Только ради любви.

Бургомистр

А где же теперь эта твоя любовь?

Принцесса

Она во мне. Где же еще ей быть?

Бургомистр

Но ведь ты же не сама себя любишь. Должен быть другой человек. Кто он?

Принцесса

Я еще этого не знаю. Откуда мне знать? Я ведь только сейчас вспомнила, кто я!

Гонец (*вбегая*)

Господин бургомистр! Вся вражеская армия отступила в полном беспорядке! Потерь нет ни с той, ни с другой стороны!

Бургомистр

Вот и отлично! (*Принцессе.*) Ну что, милая? Что ты намерена делать дальше?

Принцесса

Пойду искать!

Бургомистр

Может, дать тебе денег на дорогу?

Принцесса (*смущенно*)

Да что вы! Да не стоит!

Бургомистр

Ну, желаю тебе успешных поисков! Ты мне напиши, что и как.

Принцесса уходит. Сейчас же входит Волшебник с большим мешком за спиной.

Волшебник (*озираясь*)

Где она?!

Бургомистр

Ушла!

Волшебник

А, уже спровадили! Сказал бы я вам, да времени нет! (*Взваливает мешок на спину и улетает.*)

Принцесса идет по дороге.

Волшебник (*догоняя ее*)

Стой! Стой! (*Принцесса останавливается.*) Ох, с трудом тебя догнал! Я уже хотел мешок бросить. А у меня там одних только пряников — четырнадцать сортов!

Принцесса

Это очень хорошо, что вы не бросили такой замечательный мешок!

Волшебник

Ты все еще меня не узнаёшь? Ведь я же твой старый друг Ворон!

Принцесса

Ах!

Ворон и Принцесса бросаются друг другу в объятия, затем она отходит на шаг и принимается восхищенно его разглядывать.

Ворон

Правда, я очень похорошел? Это мое внутреннее развитие так отразилось на моем внешнем облике!

Принцесса

Значит, ты, наконец, завершил свое образование?

Ворон

Я собираюсь его продолжать, но уже в высших сферах! — Очень вредно задерживаться на одном и том же уровне!

Принцесса

Да, а я вот опять стою и не знаю, в какую сторону идти!

Ворон

Мы с тобой все сейчас узнаем! Не то что, в какую сторону идти — в какую точку! Смотри, что у меня есть! (*Вынимает из мешка книгу.*) По этой книжке можно найти любого человека, который в настоящее время числится таковым!

Принцесса

О, какое счастье! Давай же скорее искать!

Ворон

Подожди-подожди! Если перебирать всех подряд, то на это уйдет несколько лет! Ведь людей на свете сама понимаешь сколько, и на месте они не стоят. — Давай сначала решим, среди кого мы будем искать. — Один человек строит дом, а другой строит город. Но ведь пересчитать дома — это гораздо дольше, чем пересчитать города. А вот, к примеру, пересчитать королевства — это быстрее всего!

Принцесса

Ищи среди королей!

Ворон

Вот они тут все! Сейчас найдем самого лучшего! (*Листает страницы.*) Так, этот мне что-то не нравится. — А вот этот — он мне

совсем не нравится! — Так, а это... Ой! — Послушай, ты уверена, что мы ищем там, где надо?

Принцесса

Ищи, ищи!

Ворон

Ну, тебе виднее! А я бы предпочел не задерживаться в этой компании! (*Листает дальше.*) Так, это не подходит, и это не подходит... Так, на юго-востоке... Может ли такое быть? Мудрый король и уже много лет... Да, так и написано — справедливо...

Принцесса (*выхватывая у него книгу*)

Это он! Но он очень сильно изменился!

Ворон

Вот я и говорю — на месте они не стоят!

Принцесса (*глядя в книгу*)

Да, видно тяжелая жизнь выпала на его долю.

Ворон

Здесь про это ничего не сказано. Здесь только факты.

Принцесса

Ты знаешь, мне надо очень торопиться. Я не могу больше терять ни одной минуты!

Ворон

Я провожу тебя до самой границы!

Принцесса

Неужели мы с тобой больше не увидимся?

Ворон

Ты на этот счет не беспокойся! Те, что однажды повстречались, уже ни за что не смогут расстаться навсегда! — Я это твердо выучил и на экзамене отвечал!

Сцена 3

Городские ворота. Стражник. Входит Принцесса.

Принцесса

Скажи мне, как пройти к королевскому дворцу?

Стражник

Вот видишь эту вереницу людей? Она тянется до самого дворца. Ты ведь тоже, наверное, пришла к королю? — Вот, вставай за ними и жди! Может, и успеешь!

Принцесса

Как, неужели король собирается говорить со всеми этими людьми? Да разве так бывает?

Стражник

Да ты что же, ничего не слышала? Может, ты вообще нездешняя?

Принцесса

Я только сейчас пришла в эту страну!

Стражник

А, вот почему ты ничего не знаешь! — Наш король собирается нас

покинуть. За ним должен прийти летучий корабль и отвезти его в его родную страну. — И вот он объявил, чтоб каждый, у кого есть к нему какое-либо дело, шел с этим делом прямо во дворец! — Вот они и идут с раннего утра и до поздней ночи. У одних спор какой, а другие просто совета просят, как им дальше жить. Кто его знает, что нас теперь ждет?

Принцесса

А когда он придет, этот корабль?

Стражник

Когда придет, тогда и увидим! Он ведь по небу ходит, а не под землей!

У входа во дворец. Принцесса и Привратник.

Привратник

Значит, получается, что ты предлагаешь мне взятку!

Принцесса

Ах, не все ли равно, как это назвать! Возьми это золото,пусти меня! Клянусь тебе, ты об этом не пожалеешь! — Здесь все, что у меня есть сейчас, но завтра ты получишь во сто крат больше!

Привратник

Вот что я тебе скажу! Я человек маленький, и порядки я здесь не устанавливаю! Раз мое начальство взяток не берет, то, значит, и я не имею на это никакого права!

Принцесса

Тогдапусти меня так, сжался надо мной! — Посмотри, сколько народуждет, пока их впустят во дворец, но ведь никто из них не плачет, не умоляет тебя так, как я!

Привратник

И правильно делают! — А ты кончай шуметь и уходи отсюда! А не то я всем сейчас скажу, что ты сумасшедшая и взятки предлагаешь!

Принцесса, рыдая, уходит.

Дворцовая стена. Принцесса плачет, прислонившись к стене.

Принцесса

Стена, стена, пусти меня к моему любимому! Прикажи своим камням расступиться!

Стена

А ты подумала о том, что будет дальше? Тебя сейчас же поймают и вышвырнут вон. Ничего тебе это не даст! С людьми договориться труднее, чем с камнями!

Входит Нищенка.

Нищенка

Ты чего тут шарить? Хочешь что-нибудь украсть? — Ты нездешняя, что ли?

Принцесса

Да!

Нищенка

Нет, здесь ты ничего не украдешь. Лучше пойдй на заднее крыльцо, там всем милостыню подают, ни о чем не спрашивают. (*Гордо.*) Я там каждый день бываю!

Принцесса

Тогда ты, наверное, знаешь в лицо тех, кто бывает в самом дворце?

Нищенка

Еще бы? Самого господина Второго министра знаю! Я ему всякий раз желаю здоровья и долгих лет жизни. — Ну, что ты стоишь? Хочешь, отведу тебя?

Принцесса

Нет, у меня есть деньги! — Пусти меня лучше к себе ночевать. В городе собралось столько народу, вряд ли я смогу где-нибудь еще устроиться.

Нищенка

А что ж, пойдём! Посмотришь, как я живу.

Лачуга Нищенки. Принцесса и Нищенка входят в комнату, набитую всяким старьем.

Принцесса

Апчи! Ох, здесь же нечем дышать!

Нищенка

Ничего, сейчас привыкнешь!

Принцесса (*озираясь*)

Откуда у тебя столько вещей? Зачем они тебе?

Нищенка

Когда какая вещь пригодится, тогда и будем знать, зачем. А уж откуда — это долго рассказывать! Кто сам отдаст, а кто выбросит или потеряет — а я все сюда несу, приберегаю.

Принцесса

Но ведь тебе каждый день подают во дворец!

Нищенка

При других-то королях так не было. Это при нынешнем так стало. А скоро его самого не станет! Что тогда? — Это короли могут меняться, а мы себе такого не позволяем.

Принцесса

Можешь ты выполнить мою просьбу? Я хорошо тебе заплачу! — Пойди в город, купи мне нитки всех цветов, а я за ночь сотку из них ковер. А утром ты пойдешь как всегда за подаянием и возьмешь его с собой. — И когда увидишь, что кто-нибудь из министров собирается войти во дворец, подойдешь к нему и скажешь, что вот у тебя подарок для всемилостивейшего короля. Денег никаких не проси, он сам даст тебе несколько монет!

Нищенка

А может, и больше даст, что ему стоит! Конечно, пойду, я их всех наперечет знаю.

Дворцовое крыльцо. Нищенка с ковром. Входят II министр и его жена.

Нищенка (*кланяясь*)

Крепкого здоровья и счастья! Не откажитесь выслушать смиренную просьбу, ваше превосходительство!

II Министр

Ну, что там у тебя?

Нищенка (*быстро разворачивая ковер*)

Соблаговолите передать эту вещь в дар всемилостивейшему королю!

II Министр и жена (*хором*)

Где ты это взяла?!

Нищенка

Да вот рылась на одной заброшенной свалке, а тут из-под хлама и старья — такая красота!

II Министр

Ты правильно сделала, что принесла его сюда! — На вот, держи, это тебе за усердие!

Жена (*рассматривая ковер*)

Посмотрите, ведь это не просто узоры! Они складываются в настоящую картину!

II Министр

Вижу-вижу! Вот в самом центре — рыцарь, пронзает копьем дракона. (*Нищенке.*) Если найдешь еще что-нибудь подобное, сразу же носи сюда! Понятно?

Нищенка

Понятно, ваше сиятельство, понятно! Сейчас же пойду искать! (*Уходит.*)

II Министр

Да, удивительно красиво! Жаль только, что королю сейчас совсем не до этого!

Жена

О да! Ведь до прихода корабля у него не будет ни одной свободной минуты, и к тому же он много раз говорил, что не возьмет с собой ни одной из принадлежащих ему вещей!

II Министр

Интересно, кому достанется эта вещь!

Жена

Мне кажется, она уже сейчас в хороших руках! Главное, чтоб никто об этом не узнал. — Ясно, что с отъездом короля нам не избежать споров и раздоров. А эта вещь будет лишним поводом для них!

II Министр

А старуха?

Жена

Что старуха? Неужели она прибежит выяснять, что сказал король по поводу цветовой гаммы?

В лачуге. Принцесса и Нищенка

Нищенка

Ну что же ты все время смотришь в окно? Кончай работу!

Принцесса (*про себя*)

Почему ты не присылаешь за мной? Неужели ты стал слеп и глух и не прочел того, что выткано на этом ковре? — Сжался надо мной! Дай мне увидеть тебя хоть на миг! Я знаю, многие стучатся в твою дверь, но никто из них не любит тебя так, как я!

Нищенка

Ну что ты там бормочешь? Ведь меня ждут! Я же обещала!

Принцесса

А ты уверена, что король его видел?

Нищенка

Видел-видел! Сказал еще, что цвет у него очень красивый!

Принцесса (*заканчивая ковер*)

Хорошо, бери! Но не смей просить денег!

II Министр и его жена

Жена

Вы заметили, что этот ковер во всем под стать первому, только поменьше, и вместо рыцаря на нем женщина в короне?

II Министр

Они несомненно из одного источника, и старуха врет, что это случайные находки. Хорошо бы за ней проследить!

Жена

Только после отъезда короля! Иначе все это выплывет наружу, и мы не оберемся неприятностей!

Нищенка и Принцесса.

Принцесса

Скажи, сколько дал тебе Второй министр в награду за ковры?

Нищенка

Всего три монеты! Нет — две! Каждый раз по одной!

Принцесса

А где же королевская награда? Наверняка, министр положил ее себе в карман!

Нищенка

Ах, чтоб ему провалиться!

Принцесса

Вот, возьми третий ковер и неси его скорее во дворец! И скажи, что раз король взял первые два даром, то за этот он должен заплатить тысячу золотых!

Нищенка

Но ведь на нем ничего нет! Это же просто кусок холста!

Принцесса

Тебя это не касается! Он много дороже первых двух! Ты только должна добиться, чтобы король его увидел! Тогда он отсчитает тебе не тысячу, а десять тысяч монет!

Нищенка

Ну ладно, я пойду! Ведь до сих пор все было так, как ты говорила.

II Министр и Нищенка.

II Министр

Ты что же, старая, рехнулась? Понравилось, видно, деньги получать! На вот, возьми и убирайся подобру-поздорову!

Нищенка (*швыряя деньги*)

Себе возьмите эти гроши! А мне нужна тысяча золотых!

II Министр

За что? За кусок холста?

Нищенка

Пускай король решает, кусок ли это холста или еще что-нибудь!
Пускай сравнит с первыми двумя! Когда он брал их задаром, то все было в порядке!

Рядом с нею вырастают двое слуг и затыкают ей рот.

II Министр

Ну что ты! Ну на кого ты орешь? (*Слугам.*) Запереть ее в самом глубоком подземелье и не спускать с нее глаз! (*Старуху уводят.*)

Входит I Министр.

I Министр

Высококочтимый друг! Я должен сообщать вам, что только что прибыли дозорные с границы! Они видели летучий корабль, он приближается сюда!

II Министр

А-а!

I Министр

Король стал отдавать срочные распоряжения. И вот что он возложил на меня! — По его словам, среди людей, которые стеклись сюда со всей страны, есть некое лицо, желающее встретиться с королем по совершенно особым причинам. Лицо это необходимо разыскать и доставить во дворец. — Что вы на это скажете?

II Министр

Я уверен, мой друг, что вы приложите все усилия для того, чтобы выполнить возложенное на вас поручение. Правда, времени очень

мало, людей в городе — великое множество, а самое главное — вам неизвестно, что подразумевается под *особыми* причинами. — Но что поделаться, если поиски и не увенчаются успехом, то после отъезда короля некому будет с вас спрашивать

I Министр

Но сознание невыполненного долга!..

II Министр

Мы ведь до сих пор не знаем, кого король собирается назначить своим преемником. Может быть, вас посылают именно с этой целью... Что ж, чего только мы не вытерпели на своем веку!..

Входит слуга II Министра. В руках его кусок холста.

Слуга (протягивая холст)

Ваше сиятельство, а как быть с этой штукой? Может, она и впрямь стоит тысячу золотых?

II Министр (замахиваясь на слугу)

Пошел вон, болван! Как ты смеешь лезть с подобной чепухой!

Слуга убегает.

I Министр (участливо)

Вы плохо себя чувствуете?

II Министр

Так, пустяки, семейные неурядицы! — Ну, не стану вас больше задерживать! (*Быстро уходит.*)

I Министр свистит негромко, появляется его слуга.

I Министр

Сейчас же установите наблюдение за Вторым министром и его людьми! (*Слуга поспешно уходит.*) Да, дружок, красиво же ты врешь! Сейчас узнаем, кого ты прячешь за собой. (*Уходит.*)

Входят II Министр и его жена.

Жена

Этой старухе надо было дать не тысячу, а десять тысяч золотых, только бы она не поднимала шума!

II Министр

Ах, как я мог сделать подобную глупость! Я решил, что здесь простое вымогательство!

Жена

Вымогатели не приходят с царскими подарками! Это заговор! Вас поймали в ловушку!

II Министр

Но кто же мог ее расставить?

Жена

На такие затеи всегда желающих хоть отбавляй! — Кто? Да тот же Первый министр, которого вы только что пытались обморочить!

II Министр

Надо сейчас же допросить старуху! Кто бы за ней ни скрывался — ему не поздоровится! (*Уходят.*)

Входят Верный слуга и Верный советник короля.

Верный слуга

Король говорит, что сегодня ночью ему придется покинуть дворец! В городе находится человек, который должен улететь с ним на корабле. Он уже многих посылал на розыски, даже самого Первого министра, но все безрезультатно! Он хочет найти его сам!

Верный советник

Нет-нет, королю ни в коем случае нельзя выходить из дворца! В городе собралось слишком много самого разного народа. Если его узнают — ничего хорошего из этого не выйдет, но если его не узнают, то может выйти что-нибудь и похуже!

Верный слуга

Да неужели у короля перевелись верные слуги?! Пусть он только подробней опишет мне этого незнакомца, я обязуюсь еще засветло его привести!

Верный советник

Пойдемте вместе, я вас поддержу!

В лачуге. Принцесса одна.

Принцесса

Все кончено! Он не желает меня знать! Значит, время победило нас! Оно оказалось сильнее меня! Зачем же тогда все это было? Зачем же нужна эта жизнь? (*Принцесса прислушивается.*) Что это? Шаги! Неужели!..

Входят Нищенка и слуги II Министра.

Нищенка

Вот она! Вот она, злоумышленница! Это она все подстроила, а я тут вовсе ни при чем!

Слуги II Министра хватают Принцессу. В это время врываются слуги I Министра.

Слуга I Министра

Эта женщина арестована по приказанию Первого министра! Она замешана в государственном преступлении!

Слуга II Министра

А у нас приказ Второго министра! И мы пришли сюда раньше!

Слуга I Министра

А я говорю, что она пойдет с нами!

Принцесса

Убейте меня, тогда вам нечего будет делить!

Снаружи к дому подходит Верный слуга.

Верный слуга

Так и есть, это та самая женщина! Но, по-моему, ее хотят разорвать на части! (*Слуги министров вытаскивают Принцессу на улицу.*) Ах, что я вижу! Похоже, что здесь дерутся люди Первого и Второго министров. Что же делать? Влезать или не влезать? Король-то улетит, а мне тогда достанется от обоих!

В небе появляется летучий корабль.

Эй, смотрите! Летучий корабль!

Слуги Министров отпускают Принцессу и глазуют на корабль.
С корабля спускаются два человека в белом.

Ворон (*высовываясь из корабля*)

Ну ведь как хорошо, что мы успели! — Вообще, я заметил — все, что происходит, происходит удивительно вовремя!

Первый человек в белом надевает на Принцессу корону и накидывает ей на плечи длинный плащ.

Второй в белом (*низко кланяясь*)

Милостивая королева! Мы направляемся к дворцовой площади! Если вам угодно взойти на наш корабль, мы без промедления доставим вас туда!

Принцесса

Благодарю вас. Я поднимусь на этот корабль только вслед за королем!
А сейчас я пойду по земле!

1983

Литературно-художественное издание

Елена Грантовна Степанян

«Третьяковка» и другие московские повести

Макет и верстка Р. Р. Дименштейн

Корректор Н. С. Самбу

Подписано в печать 25.01.2010.

Формат 70×108/32. Гарнитура «Литературная».

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 18,5. Заказ №

Издательство «Оклик»

Для переписки: 119002, Москва, а/я 9

Тел./факс: (495) 585 0 587

Эл. почта: zakaz@oklik-izdat.ru

Отпечатано в ОАО «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-91349-012-4

9 785913 490124

Царский выбор

Е. Г. Степанян

Царский выбор

Исторический

роман-драма

2-е изд.

М., Оклик, 2010, 384 с.

ISBN 978-5-91349-001-8

Остросюжетное повествование о событиях эпохи царя Алексея Михайловича. Допетровская Русь оживает в драматическом переплетении человеческих судеб.

Герои «Царского выбора», живые и полнокровные, мыслящие и страдающие, в сложнейших жизненных коллизиях ищут и, что самое главное, находят ответы на извечные духовные вопросы, обретают смысл и цель бытия.

Е. Г. Степанян
**О Михаиле Булгакове
и «собачьем сердце»**
М., Оклик, 2009, 64 с.
ISBN 978-5-91349-007-0

Поэт и драматург Е. Г. Степанян, автор известного романа-драмы «Царский выбор», поражает читателя ярким произведением совершенно иного жанра. Это эссе — поданная в остроумной художественной форме литературоведческая работа, новое слово в булгаковедении, проникающее в глубину архетипа булгаковского мировидения. За буквой фантастической реальности автор распознаёт и открывает читателю истинный духовный замысел Михаила Булгакова.